

4
-83

СТРАНИЦЫ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Шишмаревские чтения

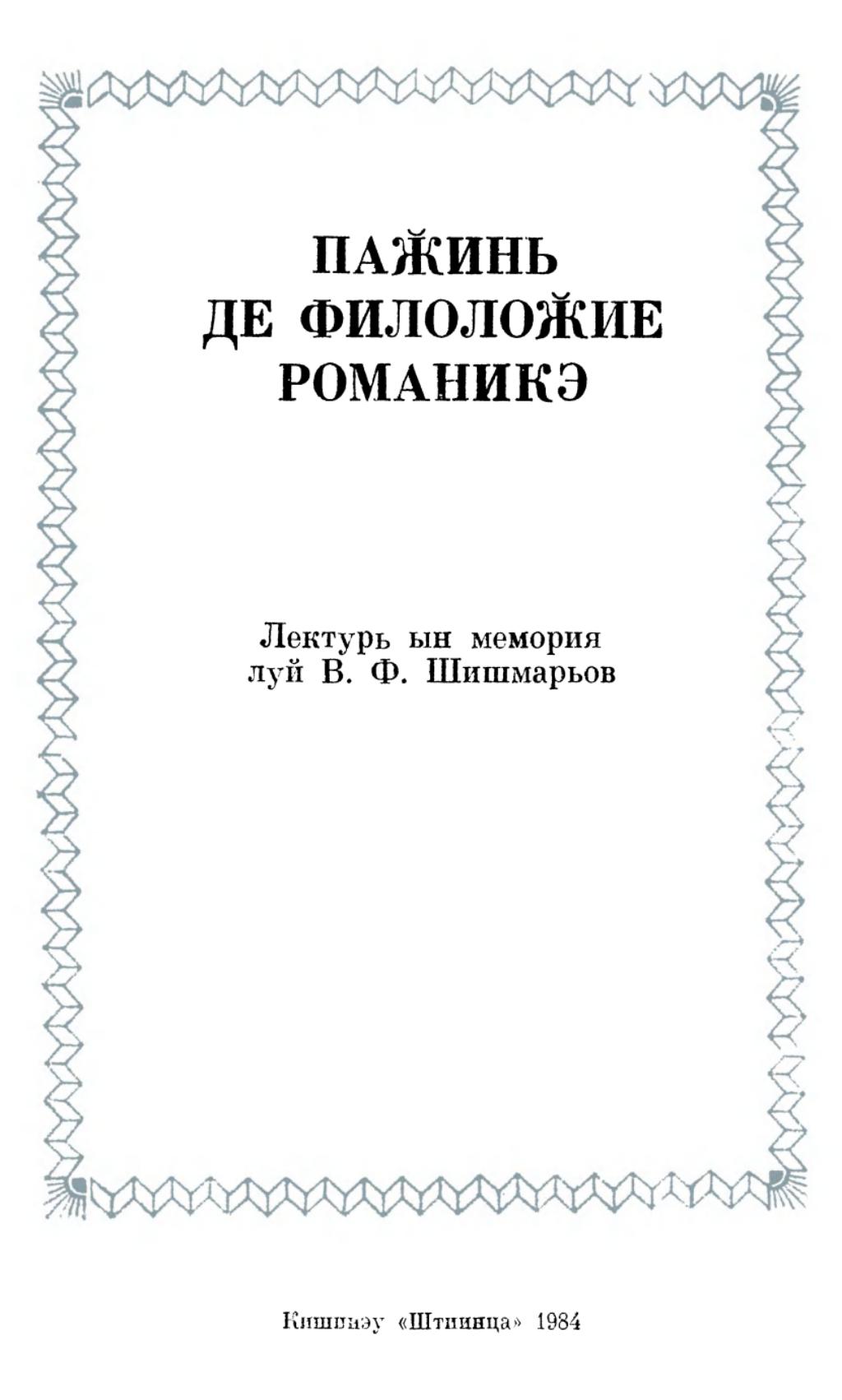
ПАЖИНЬ ДЕ ФИЛОЛОЖИЕ РОМАНИКЭ

Лектурь ын мемория
луй В. Ф. Шишмарёв

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

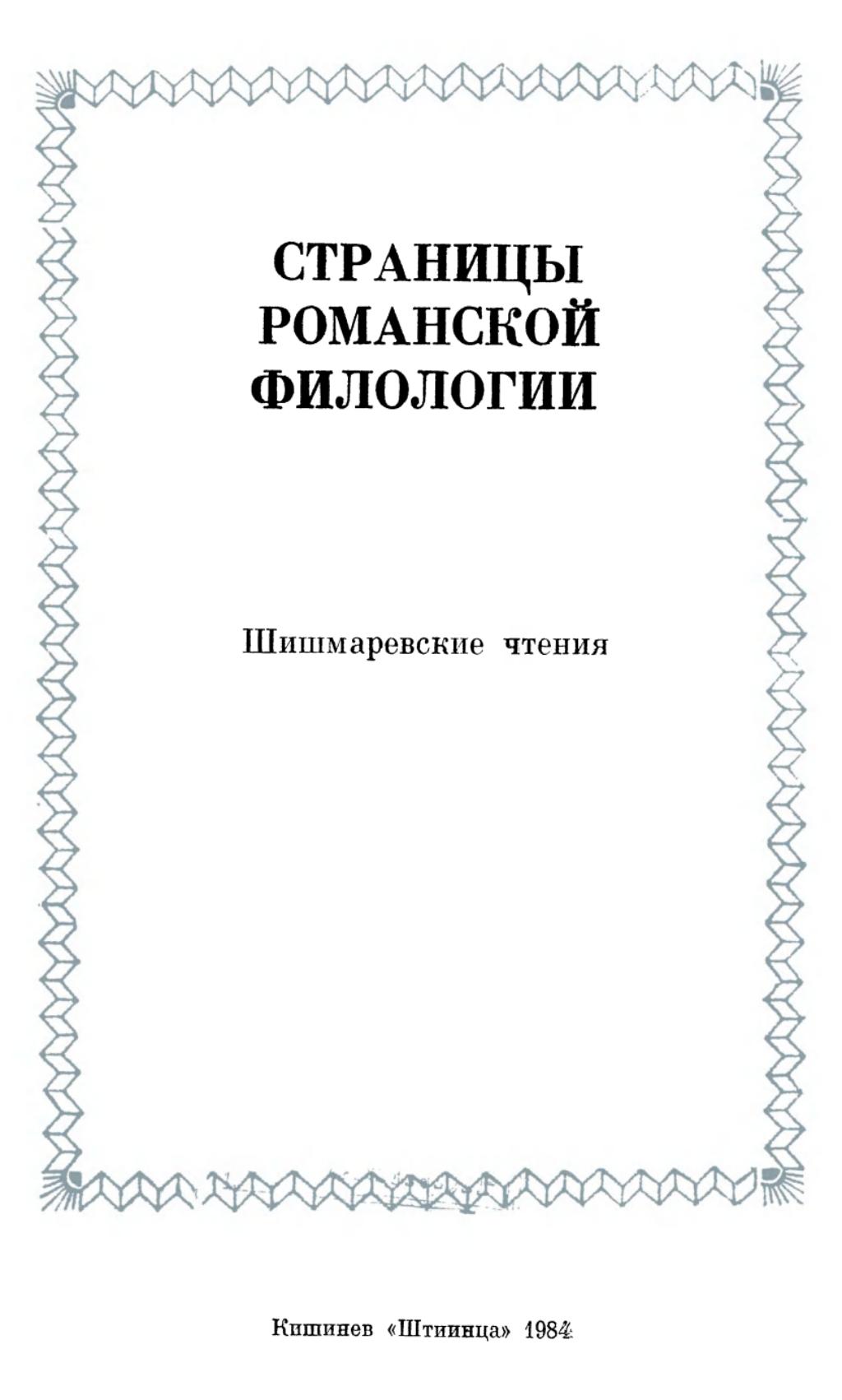
АКАДЕМИЯ ДЕ ШТИИНЦЕ А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ
ИНСТИТУТУЛ ДЕ ЛИМБЭ ШИ ЛИТЕРАТУРЭ

ПАЖИНЬ ДЕ ФИЛОЛОЖИЕ РОМАНИКЭ

Лектурь ын мемория
луй В. Ф. Шишмарьов

СТРАНИЦЫ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Шишмаревские чтения

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик АН СССР Г. В. СТЕПАНОВ

академик АН МССР С. С. ЧИБОТАРУ

член-корреспондент АН МССР Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

(ответственный редактор)

КОЛЕЖИУЛ ДЕ РЕДАКЦИЕ:

академиchan ал АШ а УРСС Г. В. СТЕПАНОВ

академиchan ал АШ а РССМ С. С. ЧИБОТАРУ

мембру-корреспондент ал АШ а РССМ Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

(редактор респонсабил)

Сборник включает материалы научных конференций «Шишмаревские чтения», проведенных в 1981 и 1982 гг. Методологические основы оценки значения средневековой французской литературы, соотношения фольклора и поэзии, музыки и слова, примененные В. Ф. Шишмаревым, рассматриваются с точки зрения их использования при изучении молдавской литературы. В лингвистических статьях, исходя из теоретической базы современного языкознания, заложенной В. Ф. Шишмаревым, разрабатываются проблемы терминологии, словаобразования, углубленного изучения текстов, соотношения аффирмативно-негативных оппозиций.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов, аспирантов-филологов и всех, занимающихся вопросами молдавского языка и литературы.

Кулэйжеря купринде материале але конферинцелор штиинцифи'с «Лектурь ын мемория луй В. Ф. Шишмарьов» дин аний 1981—1982. Се аратэ посibilитатя студиерий литературий молдовенешть пе база методоложией луй В. Ф. Шишмарьов, апликате ла евалуаря литературий франчезе медиевале, а корелацией динтре фолклор ши поэзие, динтре музикэ ши версурь. Проблемеле де терминоложие, де формаре а кувинтелор, де анализэ апрофундатэ а текстелор сынт черчетате порнинд де ла базеле теоретиче але лингвистичий контемпоран пусе де В. Ф. Шишмарьов.

Картия есте дестинатэ лингвиштилор, литерацилор, аспиранцилор-филоложъ, тутурор челор че сынт преокупаць де проблемеле лимбий ши литературий молдовенешть.

С. Г. Пынзару

ФРАНЦУЗСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
В ТРУДАХ В. Ф. ШИШМАРЕВА

Когда мы говорим **французское литературное средневековье** применительно к Шишмареву, фактически мы определяем основное содержание литературоведческого наследия великого ученого. И если не считать научными трудами в строгом смысле слова его вводную лекцию под названием «О научных задачах истории литературы» (1899), а также «Лекции по всеобщей литературе», lithографированные в 1901 г., есть все основания говорить о том, что будущий академик Шишмарев дебютировал как ученый именно в области литературного средневековья. Речь идет о его обширной статье под названием «Этюды по истории поэтического стиля и форм», опубликованной в 1901 г. в журнале Министерства народного просвещения¹. Посвятив свою работу тогда еще жившему А. Н. Веселовскому, Шишмарев тем самым как бы заявлял о своей готовности продолжить исследования своего учителя в области исторической поэтики.

С названной статьи, вернее, с первой ее части начинается длинный и плодотворный путь научных разысканий В. Ф. Шишмарева в области средневековой лирики вообще, и французской в особенности. На протяжении целых тридцати лет складывалось, расширялось, пополнялось и углублялось то, что мы по праву сегодня можем назвать **шишмаревской концепцией французской лирики позднего средневековья**. Но уже в «Этюдах по истории поэтическо-

¹ Журнал Министерства народного просвещения, 1901, ч. 338, с. 250—302.

го стиля и форм», последние две части которых увидели свет в 1907 и 1908 гг., обнаружились поражающая эрудиция Шишмарева, его исключительная научная добросовестность и источниковедческая скрупулезность, стремление «дойти до корня». Для Шишмарева, для его историко-литературной и теоретической методологии не существовало больших и малых проблем, точнее, подход к этим проблемам был в одинаковой степени серьезен и ответствен. Так, рассматривая в первой части данной статьи узкий, на первый взгляд, частный вопрос исторической поэтики, каким является вопрос об этимологии и генезисе рефрена, автор привлекает к анализу памятники французской, провансальской, немецкой, греческой, португальской, итальянской лирики, десятки работ европейских исследователей. Решая весьма узкий историко-литературный вопрос, исследователь приходит к открытию феномена **игры как начала развития организма поэзии вообще**. Таким образом, с первых шагов в науке у Шишмарева общие, глобальные вопросы находятся в тесной диалектической **взаимосвязи и взаимозависимости**. В то же время нужно заметить, что ученый, как правило, называл свои работы **этюдами или очерками**, тогда как это были серьезные и глубокие исследования, в том числе монографические.

В плане зарождения, постепенного обогащения и оформления шишмаревской концепции французского средневековья для нас особый интерес представляет статья 1903 г. «К характеристике французской литературы XIV—XV вв.». Здесь мы находим в сжатой форме изложения основные «узловые» моменты, из которых постепенно будет складываться искомая нами концепция, нашедшая наиболее полное завершение в магистерской диссертации². У истоков этой новой концепции находилась коренная «переоценка ценностей» в области истории французской литературы XIV—XV вв., вызванная неудовлетворенностью В. Ф. Шишмарева существовавшим положением вещей.

До Шишмарева указанный период даже французские исследователи определяли как **век упадка и перехода**. Единственную заслугу XIV в. в истории французской литературы Виктор Леклерк и Ренан, например, видели в том, что он «передал скучное наследие своего предшественника (т. е. XIII в.) молодым поколе-

² Шишмарев В. Лирика и лирики позднего средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса. Париж, 1911, с. IV.

ниям. Роль его деятелей — роль посредников»³. По мнению названных авторов, «XIV в. не создал ни одного произведения, которому было бы суждено пережить свое время: историк может только констатировать факт печального состояния французской письменности за эту эпоху»⁴. Ставя под сомнение объективность и научную обоснованность подобной оценки XIV—XV вв., В. Ф. Шишмарев солидаризируется с высказанной В. Леклерком мыслью о том, что характерной чертой XIV в. является напряженность работы почти во всех сферах человеческой деятельности. Впоследствии эта мысль получит окончательную и стройную формулировку в трудах известного советского ученого Б. Г. Кузнецова. «Средневековая культура, — скажет Б. Г. Кузнецов, сравнивая средневековую культуру с классической древностью, — была значительно более стабильной. Это не значит, что она была антрактом истории. Средневековье было тысячелетней ночью в мире, где работа идет и по ночам (курсив наш. — С. П.). Средние века — это период почти непрерывного возрастания экономического, технического и интеллектуального потенциала, который в конце средних веков привел к беспрецедентному расширению кругозора человечества»⁵.

Неопровергнутому доказательству принципиально важной истины, что позднее средневековье в истории французской литературы не было периодом полного упадка, а эпохой скрытых количественных и качественных накоплений, обусловивших впоследствии значительные изменения в художественном развитии Франции, и посвятил себя великий русский ученый В. Ф. Шишмарев.

Изучение кризиса искусства слова, а также процесса перехода от средневекового понимания и оценки поэзии и поэта к позднейшему являлось для В. Ф. Шишмарева, по его же словам, одной из интереснейших историко-литературных проблем. Вместе с тем следует подчеркнуть, что его интенсивные занятия французским средневековьем были отнюдь не выражением пристрастия ученого к экзотике отдельных эпох, а, скорее, проявлением интереса к сложным и неисследованным проблемам, каким и был вопрос о средневековой лирике Франции в тот момент, когда к этой проблеме стал подступаться Шишмарев.

³ Шишмарев В. К характеристике французской литературы XIV—XV вв. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. М.; Л., 1965, с. 358.

⁴ Там же.

⁵ Кузнецов Б. Г. Разум и бытие. Эссе о классическом рационализме и неклассической науке. М., 1972, с. 77.

Согласно концепции Гастона Париса, учителя Шишмарева во время его учебы во Франции, а также других французских литературоведов, XIV в. (Г. Парис включает сюда и первые четыре десятилетия XV в.) является лишь периодом начинаний, оставшихся без продолжения, периодом упадка. Это, согласно той же концепции, эпилог средневековья, который связан с Возрождением разве только общим тому и другому интересом к научному знанию. В оценке Г. Париса рассматриваемая эпоха предстает как преддверие Возрождения, у входа в которое стоит Ф. Вийон — поэт-индивидуалист, выросший на французской почве помимо итальянского влияния; несколько поодаль от него стоит небольшая группа поэтов, в произведениях которых звучит личная нотка автобиографических мотивов, субъективной оценки явлений и т. п. Эти зачатки личной поэзии, по мнению В. Ф. Шишмарева, закрывали в глазах Г. Париса общую картину развития французской литературы данного периода.

С этого момента концепции Шишмарева и французских медиевистов расходятся. Шишмарев исходит из того, что при всей оригинальности Вийона и при всей малочисленности аналогичных ему явлений они «сложились на исторической почве и представляют собой продукт местных (т. е. французских) культурных условий»⁶. На эту органическую связь указывал и сам Г. Парис в своем этюде о Вийоне. «А сколько, — писал В. Ф. Шишмарев, — приходится предположить аргументов тонких, почти невидимых нитей, из которых эпохи „перелома“ и „упадка“ ткут основу эпохам широкого, явного созидания» (VI). Так писал Шишмарев во Введении к монографии «Лирика и лирики позднего средневековья». Фактически мы уже здесь видим исключительно оригинальную концепцию русского ученого о позднем французском средневековье не как о периоде упадка или совершенного застоя, разрыва преемственности литературного процесса, а как о замедленном, но поступательном развитии французской лирической поэзии, приведшем, как известно, к эпохе Возрождения. Но к этой итоговой формулировке, выражающейся именно шишмаревскую концепцию французской средневековой поэзии, ученому предстояло еще прийти. Вернее, когда излагалась в общей форме эта концепция, позади остался период многолетнего упорного труда, резуль-

⁶ Шишмарев В. Лирика и лирики позднего средневековья, с. VI. В дальнейшем сокращенные ссылки на этот труд даются в тексте (в скобках указывается страница).

татом которого и явились магистерская диссертация Шишмарева.

Первичным, если можно так выразиться, импульсом к подобным изысканиям послужило убеждение Шишмарева в том, что уяснение генезиса французской литературы эпохи Возрождения вызывает необходимость обращения ученого к литературной истории непосредственно предшествующих веков. Автор монографии писал, что в характеристике данной эпохи далеко не все явления приняты в расчет, а те, что подвергались анализу и раньше, не всегда получали правильную оценку (V). Это общее наблюдение особенно справедливо в отношении французской лирической поэзии XIV—XV вв., которая до Шишмарева еще не была предметом специального научного исследования.

Предварительные разыскания раскрыли всю трудность поставленной задачи и выявили необходимость, прежде чем приступить к решению проблемы в целом, разобраться в ней по частям (III). Выбор пал на лирику потому, что она является наиболее показательной для Ренессанса поэтической формой.

Читая названный труд Шишмарева, мы становимся свидетелями напряженнейшей аналитической мысли ученого, буквально на наших глазах происходит интересный и сложный процесс выявления научной истины и постепенного формирования новой концепции. В четырех книгах монографии подробнейшим образом и на поразительно богатом поэтическом материале исследуются такие вопросы, как формы лирической поэзии средневековой Франции, ее содержание, специфика творческого акта средневекового поэта, его сословный облик. Выявляются генезис и этимология всех существовавших тогда в Провансе и Франции форм лирической поэзии, таких как пастурелла, альба, группа прений, сирвента, рондель, вирелэ, баллада и т. д. В этом разделе монографии исключительно важным и плодотворным представляется вывод Шишмарева об участии в формировании средневековой французской лирики устного народного творчества. Это, кстати, один из компонентов рассматриваемой шишмаревской концепции.

В разделе, посвященном анализу содержания средневековой лирики Франции, главное внимание уделено вопросам о народной песне, морали, религии и, конечно же, любви. Последнее заслуживает отдельного разговора прежде всего потому, что как в ранней, так и в поздней лирике Франции любовь занимает особое место. «Тема, — отмечал В. Ф. Шишмарев, — была завещана традицией.

Но не только тема, взгляды на любовь, ее оценка во вторую половину средних веков связаны теснейшим образом с соответствующими воззрениями предшествующей эпохи» (273). Борьба за любовь порождалась и определялась тем обстоятельством, что сам средневековый брак сложился ненормально, являясь по существу второй «феодальной необходимостью». Брак был в своей основе сделкой. Отсюда — вывод: истинная любовь вне брака. Любовные отношения трактовались как вассальные, ибо последние были типичны для средневековья: дама — госпожа, сеньор (273). Культ дамы рассматривался как необходимый элемент жизни: кто не любит — не живой человек. Кто не любит, тот не поэт. Любовь — таинственная сила, приносящая молодость и смерть. Она пробуждает мужество и делает человека щедрым. Любовь — источник светлого, радостного настроения души и т. д. Таково суммарное представление средневековых французских поэтов о любви, вернее, таким оно предстает в монографии В. Ф. Шишмарева.

Вместе с тем средневековье в истории французской лирики является и веком страстных исканий религиозной и нравственной правды. Для той эпохи было естественным превращение любовного акта в акт моральный. Но с той же общей точки зрения можно было ожидать и отрицания культа дамы во имя любви к божеству (323).

В начале XIII в. центр тяжести литературных интересов перемещается. Любовные темы уступают место моральной (дидактической) сирвенте и религиозной песне. Лейтмотивом выступают сетования по поводу упадка общества. Жалобы на всеобщее разложение раздаются все чаще и сильнее с приближением XIV в. (361). В то же время все более характерным становится обращение средневековых поэтов к третьему сословию, что служило признаком демократизации самой поэзии.

Анализ сложного и длительного процесса становления самосознания поэта в средневековой лирике Франции составляет основное содержание третьей книги шишмаревского труда, посвященной **творческому акту**. Это нужно подчеркнуть особо хотя бы потому, что вопросу о становлении самосознания поэта и поэзии в целом как важнейшей стадии развития и самоутверждения любой национальной поэзии уделяется недостаточное внимание.

Сознание значительности поэтического акта порождало стремление приблизить песню к «литературе», т. е. поднять значение первой до уровня последней. Такая оценка певцом своей деятельности порождала идею аристократи-

зации его роли, вызывала необходимость отличать певца от поэта (468). Процесс выделения поэта был естественным результатом развития. Параллельно растет интерес певца к самому себе как к человеку и как к художнику (476). Но если личные переживания привлекают внимание певца, то тем большую цену должен был приобрести в его глазах творческий акт и литературная деятельность вообще. Заботливое отношение поэта к своим произведениям характерно для XIV и XV вв. Но подобные факты с точки зрения истории самосознания писателя не так ярки, как его непосредственные отзывы о своей литературной деятельности. Это важное положение В. Ф. Шишмарев раскрывает на примере творчества Фруассара, Дешана, Машо, Христины Пизанской, Шартье, Тубала, Миллэ, Молинэ, Шателена (483).

В отличие от классической поры французского средневековья (XII и XIII вв.), когда руководящая роль в области лирики принадлежала представителям феодальной аристократии и группировавшимся вокруг последней и служившим ее идеалам певцам различного происхождения и общественного положения (503), в XIV, но еще больше в XV в. внутри литературных групп все чаще можно встретить демократические элементы (509). С точки зрения сословной можно выделить несколько различных категорий: категорию лирико-дворян, группу литературных деятелей типа Машо, Дешана, Христины Пизанской, Ал. Шартье, Кл. Маро и Кретена, группу буржуазную в узком смысле этого слова и, наконец, группу «диких» вроде Вийона (510). Новая лирика создавалась в придворных и дворянских, а не буржуазных кружках, и выражала взгляды феодалов. Картина осталась бы неполной, если бы не упомянули о провинциальных *люи*, которые работали в местных центрах, формируя в своей деятельности буржуазные, провинциальные интересы (518).

Чем ближе знакомишься с французской литературой XIV и XV столетий, отмечал В. Ф. Шишмарев, тем более удивляешься тому, что Франция могла еще дать столько в этот период затяжного социального и политического кризиса, осложненного внешней борьбой, и что литературное дело не заглохло совсем. Работать было не только трудно, но подчас и вовсе немыслимо (505). При всем том число имен литературных деятелей в узком смысле этого слова остается весьма внушительным (506).

Синтетическую характеристику французской лирики позднего средневековья В. Ф. Шишмарев дает в Заключении своей книги «Лирика и лирики позднего средневе-

ковья». «Великая река Возрождения, — писал автор более 70 лет тому назад, — образовалась не только из бурного потока итальянского влияния... или мощных вод античной древности, но и из тех скромных ручьев и рек, которые, сливаясь и сплетаясь, дали на почве Франции значительные запасы драгоценной влаги» (557).

По мнению В. Ф. Шишмарева, мы имеем дело с картиной сплошного развития, в которой не везде равномерно разработаны подробности и местами прошла другая кисть, но которая как замысел является созданием одного художника. На лирическом материале связанность периода проследить еще легче (558).

Сопоставляя XIV и XV вв. со смежными эпохами: классическим средневековьем и Ренессансом, Шишмарев приходит к выводу, что лирика этих двух столетий настолько же доказывает свою предшественницу, насколько предваряет лирику обновленной Франции.

В пределах эпохи позднего французского средневековья «складываются постепенно посылки лирического искусства, лирики литературной, не сословной, а общечеловеческой формы, способной подмечать и выражать самые разнообразные сплетения чувств и настроений, широко пользуясь всеми силами слова. Длинная череда поэтов, работавших в этом направлении, завершается Кл. Маро.

Ренессанс, сущность которого, с точки зрения развития французской поэзии, сводится к созданию лирики, укрепил за ней завоевания предшествующих эпох» (559).

Такова в изображении В. Ф. Шишмарева общая картина французской лирики XIV—XV вв. Это была новая, шишмаревская концепция данного явления. Это был значительный вклад Шишмарева в историю французской литературы, признанный и высоко оцененный во Франции.

Концепция, выдвинутая В. Ф. Шишмаревым относительно позднего французского средневековья, могла бы служить серьезнейшим подспорьем при изучении аналогичных явлений в истории средневековой молдавской литературы и особенно при оценке периодов так называемого замедленного ее развития, воспринимаемого иногда как явление полного упадка древнемолдавской литературы.

A. A. Matkovski

МУЗИКА ЫН АКТИВИТАТЯ КРЕАТОАРЕ А ЛУЙ В. Ф. ШИШМАРЬОВ

Дин моштениря ренумитулуй филолог рус В. Ф. Шишмарьов десприндем ши пажинъ пущин куноскуте черчетэторилор контемпорань. Ун богат извор информатив ын ачастэ привинцэ презинтэ, ын примулрынд, архива персоналэ а савантулуй, дин каре факт парте документе, че не пермит сэ реконституим орь сэ ынтрежим ши унеле аспекте небэнүите дин продижиоаса луй креации.

Астфел, унеле нотице непубликате, пэстрате ын архива луй В. Ф. Шишмарьов, денотэ интересул савантулуй филолог пентру креация популярэ молдовеняскэ¹. Дин ачелаш фонд де архивэ депистэм о серие де материале привинд ши ун алт аспект ал активитэций луй В. Ф. Шишмарьов, ши ануме — преокупэриле луй музикале. Ла дрепт ворбинд, ну е атыт де обишунийт, ын зилеле ноастре, ка ун маре савант, индиферент де домениул ын каре активязэ, десигур дақэ ну е музичиан де професие, сэ дее довадэ де куноштинце васте ын история ши теория музичий, сэ факт ынчкеркэй де компонистикэ орь сэ кынте кумултэ виртуозитате ла ун инструмент преферат.

Ын челе че урмязэ интенционэм сэ-й фактам куноскутэ чититорулуй ачастэ пажинэ, деосебит де интересантэ дин активитатя савантулуй, пажинэ реконституитэ пе база унуй шир де материале архивистиче, а аминтирилор фийчий ачестуя, прекум ши а лукрэрилор публикате орь рэмасе ын манускрипс але ремаркабилулуй черчетэтор.

¹ Вэзь: *Матковски A. Унеле проблеме привинд креация популярэ молдовеняскэ ын архива луй В. Ф. Шишмарьов*. — Ын: Проблеме але филологией молдовенешть. Лектуръ ын мемория луй В. Ф. Шишмарьов. Кишинэу, 1982, п. 17—26.

В. Ф. Шишмарьов а фост ынзестрат ку паре аптиудинь музикале. Кэпэтынд ын копилэрие, яр апой ши ын аний деadolесченцэ, о ануумтэ инструире ын ачест домениу, ел а ынгытат тимп ынделунгат ла виолэ ын компоненца унуй квартет ку коарде. Е периода ынгынд фаче куноштинцэ ши се кэсэтореште ку Ана Михайловна Усова, ынгытэрияцэ де оперэ ши музикэ де камерэ, елева Полиней Виардо-Гарсия, вестите ынгытэрияцэ де оперэ франчезэ, куноскутэ, тогодатэ, ка педагог ши композитор.

Ачест евенимент ыл апропие ши май мулт пе Владимир Фьодорович де вяца музикалэ а Петербургулуй. Дин үнеле нотице де зилник але композиторулуй Сергей Иванович Танеев афлэм, кэ Шишмарьов ыл куноштя пе мареле пианист ынкэ де прин 1898. Астфел, ла 13 май С. И. Танеев ышьnota ын зилникул сэу, кэ авусе о дискуцие ку тынэрул савант Шишмарьов, кэруя ый експликасе мэсуре версулуй былинелор русешть (ын депенденцэ де музикэ)². Танеев а манифестат ун виу интерес пентру фолклор, яр ка теоретичиан ал музичий а черчетат структура музикалэ а былинелор, ритмика лор.

Ын аний 1917—1920 В. Ф. Шишмарьов партичипэ ла организаря примей университэць мунчторешть-цэрэнешть дин ор. Кострома. Тот де периода ачаста цине ши чя май родникэ активитате практикэ а луй ын домениул музикал-театрал. Пе лынгэ университетатя дин Кострома я наштере о сочиетате музикалэ, скопул кэрэя ера де а популяриза ын рымдуриле маселор ларжь челе май репрезентативе опере музикале дин креация композиторилор рушь ши стрэинь. Астфел, еа организа кончертэ ши серате музикале, консакрате композиторилор М. И. Глинка, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Н. Серов, Л. Бетовен, В. А. Моцарт ши алций. Публикул, че веня ла ачесте кончертэ, ера мулт пря етерожен ка едукации музикалэ ши културэ женералэ. Токмай деачея В. Ф. Шишмарьов я асупра са нобила мисиуне де а презента публикулуй, ла фиекаре дин кончертеле организате де сочиетате музикалэ, креация унуй сау алтуй композитор, опринду-се май амэнунцит анууме асупра пьеселор музикале, че урмау а фи интерпретате. Ын фондул де архивэ ал луй Шишмарьов с'ау пэстрат ытева програме але унор асеменя кончертэ. Еле аратэ, кэ ла кончертеле амнитите принтре алць интерпрэць партичипа де фиекаре датэ ши соция луй Шишмарьов — Ана Михайловна. Аст-

² Вэзь: *Бернандт Г. С. И. Танеев. М.; Л., 1950, с. 116.*

фел, ла кончертул дин 4 януарие 1920, консакрат композиторулуй М. И. Глинка, ария Антонидей дин опера «Иван Сусанин» а фост интерпретатэ де А. М. Шишмарьова. Ын интерпретаря ей ау фост аудияте ши кытева романце де ачелаш композитор, яр ла 4 априлие, ын кадрул кончертулуй консакрат луй Пётр Ильич Чайковский, Ана Михайловна Шишмарьова еволовуязэ ын ария Жаней дин опера «Жана д'Арк» ши ын ролул Татианей дин опера «Евгений Онегин».

Цин се менционез аич ши ун момент, пе каре ми л-а ымпэртэшит фийка луй В. Ф. Шишмарьов — Татьяна Владимировна, пикторицэ де професие, афлатэ ку траюл ын ор. Ленинград. Владимир Фьодорович циня фоарте мулт ла асеменя кончертэ, консiderынду-ле дрепт о формэ ефичиентэ де инструире музикалэ, ын примул рынд, а студенцилор рекрутаць ын ачя периоадэ, май алес, дин рындуриле мунчиторимий ши але цэрэнимий трудитоаре. Тоате кончертеле ши серателе литераре ынчепяу, де регулэ, ку ун кувынт де ынтродучерэ ла темэ, ростит де В. Ф. Шишмарьов. Ла унул дин кончертэ, кынд урма сэфие презентатэ лукрая луй Н. А. Римский-Корсаков «Ночь перед Рождеством» («Ноаптя де ажун»), са констатат, кэ унул дин музиканць липсеште — ши ануме ксилофонистул. Сала ера архиплинэ, кончертул ну путя фи контрамандат. Атунч В. Ф. Шишмарьов коборы ын оркестрэ ши екзекутэ де ла ынчепут ши пынэ ла сфыршил ынтряга партитурэ пентру ксилофон.

Ын анул 1922 фамилия луй Шишмарьов ревине ла Ленинград. Владимир Фьодорович ышь континуэ активитатя де педагог ла университате, предынд конкомитет ши ла факултатя де музиколожие де ла Институтул де историэ а артелор, унде сусцине ун курс де лекций деспре поэзия ши музика популярэ. Дой ань май тырзиу, дин 1925 ши пынэ ын 1929, В. Ф. Шишмарьов с мембру актив ал секцией де историэ а музичий дс ла Институтул де историэ а артелор. Тоць ачешть ань, ын кадрул унор курсурь специале дс пе лынгэ институт, сл читеште лекций де историэ а музичий медиевале окцидентале. Ынсушь В. Ф. Шишмарьов ну обишиня сэ инклудэ ын дэриле де самэ асупра активитэций салс штиинцифиче ши мунка де креации литерарэ, презентэ ын специал ын традучеря де тексте дин поэзия лирикэ франчезэ ши италиянэ, кэч о консiderа май курынд о ынделетничире сектралтиинцификэ. Документеле де архивэ³ не доведеск,

³ Вэзы: ЛОА АН СССР, ф. 896, оп. 1, ед. хр. 120, л. 2, 14, 16, 20, 30 и др.

ынсэ, кэ ын периода анилор 30, периадэ ын каре Шишмарьов десфэшоарэ о активитате музикалэ мултилатералэ, савантул ымбинэ ку сүкчес аптитудиниле сале де филолог, традукэтор ши музичиан. Черчетынд манускриптийн лимба франчезэ пэстрате ын фондуриле Библиотечий публиче дин Ленинград, В. Ф. Шишмарьов деско-перэ ун «Тратат де музикэ» дин сек. XVII, пе каре, пробабил, интенционасе сэл публиче ын версиуне русэ. Ын архива персоналэ а савантулуй с'ау пэстрат доар ытева нотице, че презинтэ о дескриптере сумарэ а «Тратату.уй...», е ворба де транскриеря ынчепутулуй ши сфыршигуулуй манускриптулуй, прекум ши титлул примелор патру компартименте дин челе 30, купринс ын тратат.

Дакэ ар фи сэ рекуржем ла о конвенционалэ периодизаре а активитэций штиинцифиче а луй В. Ф. Шишмарьов, порнинд де ла тематика лукрэрилор сале, ам дистинжье доуэ периаде: чя де пынэ ла 1940, предоминатэ май мулт де интересе, ам зиче, литераре, ши о а доуа периадэ — дупэ 1940, кынд савантул ысь апрофундязэ куноштингцеле ши черчетэриле ын домениул лингвистичий. Ар фи, ынсэ, грешит сэ фачем о делимитаре нетэ ынтрэ челе доуэ периаде, деоарече В. Ф. Шишмарьов а фост ши рэмыне ун филолог ын сенсул ларг ал кувынтулуй. Не-о доведеште ну нумай библиография лукрэрилор сале, мулт пря вариятэ ка тематикэ, дар ши модул ын каре савантул абордязэ ши черчетязэ о ануунтэ проблемэ, че цине фие де домениул историей орь ал теорией литературий, фолклоруулуй ши музичий, фие де чал ал лингвистичий.

Н'ам путя афирма, де екземплу, кэ Шишмарьов ар фи консакрат вре-ун артикол орь студиу унор проблеме легате ын ексклюсивитате де домениул музичий, дэши с'а рекурс ла о асеменя делимитаре ын систематизаря манускриптор луй Шишмарьов дин архива АШ а Униуний РСС⁴. Кяр ши артиколеле «Ноиле куренте ын студиеря монодиилор медиевале», «Ронсар ши музика», консiderате оарекум апропияте анууме тематичий музикале, купринд рефлекций мулт май екстинс, че ес дин кадрул темей ануунцате ын титлу. В. Ф. Шишмарьов студиязэ история музичий медиевале ну ка ун объект ын сине, луат апарте. Се штие, кэ ын Италия, дар май алес ын Франца, музика ера ун компонент индисолубил ал лиричий медиевале. Текстеле поетиче ерау ынсоците де мелодий. Поеций медиеваль, аша-нуимиций трубадурь (чай че компуняу

⁴ Вэзь: Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в архиве АН СССР. Описание и публикации/ Составители М. А. Бородина и Б. А. Малкевич. М.; Л., 1965, с. 57—58.

версурile ын века франчезэ дэ суд), орь труверий (чей че компуняу ын века франчезэ дэ норд), ерау ауторь ну нумай де тексте, дар ши де мелодий. Яр мулць динтре ей ерау ши кынтэрець талентаць. Прин урмаре, ворбинд дэ партя литерарэ а текстелор поетиче, ну путем неглижа а доуа компонентэ а лиричий медиевале, адикэ мелодия, музика. Ануме ын фелул ачеста ышь кончепе В. Ф. Шишмарьов инвестигацииле привинд литература франчезэ дин секолеле медий. Ши ануме ла екзаминаря ачестей периоаде Шишмарьов-филологул се ынтылнештс ку Шишмарьов-музикологул, комплектынду-се речипрок. Астфел де лукрэй, кум ар фи «Ноиле куренте ын студиеря монодилор медиевале» («Новые течения в разработке средневековой монодии»), «Реферинце ла литература франчезэ дин секолеле XIV—XV» («К характеристике французской литературы XIV—XV вв.») ши, ын спечиал, студиул «Ронсар ши музика» тратязэ атыт проблеме историко-литераре, кыт ши проблеме легате де теория ши история музичий. Ши дат фиинд фаптул кэ лукрэриле амнитите шь-ау пэстрат пынэ ын презент импортанца штиинцификэ, еле конституе о реалэ валоаре критикэ атыт пентру филологий, кыт ши пентру музикологий контемпорань, преокупаць де черчетаря лиричий орь музичий медиевале франчезе.

Ворбинд де лирика франчезэ дин секолеле XIV—XV, В. Ф. Шишмарьов констатэ дрепт карактеристикэ пентру ачастэ периоадэ тендинца музичий де а вени ын сприжинул кувынтулуй,deoарече кувынтул ну ынтотдяуна е ын старе сэ редее диспозиция, нуанца ей. Ынсэ ну тоате пьеселе лириче ерау дестинате интерпретэрий вокале. Кувынтул, аша дар, а фост невое сэ фие субордонат ноилор черинце. Ынсушь кувынтул ынчепе а пурта ынкэркэтура унор елементе музикале. Се каутэ ши се гэсеск ной категорий де риме, кэрора ли се ынкрединцязэ функцииле музичий. Унеле скеме лириче, кум есте, де екземплу, чя а ронделулуй, прин репетэриле карактеристиче але унор версурь, импримэ ачестуй жэн де поэзие мултэ музикалиятэ⁵. Корелация динтре поэзие ши музикэ, традиционалэ пентру лирика франчезэ медиевалэ, есте сусцинутэ ши прин фаптул кэ мулць динтре поэций времий ерау тотодатэ ши талентаць музичиенъ, композиторь ши кяр бунь вокалишть. Астфел, поетул Гийом де Машо ера консиде-

⁵ Шишмарев В. Ф. К характеристике французской литературы XIV—XV вв. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. М.; Л., 1966, с. 380.

рат ши ун маре композитор франчез ал секолулуй XIV, яр Клеман Маро стэпыня арта вокалэ⁶. Пьер де Ронсар, члебру экспонент ал Ренаштерий ши кондукэтор ал «Плеядей», а фост ун ынфлэкэррат милитант ши сусцинэтор ал идеилор античе привинд легэтура индисолубилэ динтре музикэ ши поезне. Алэтурь де поетул ши композиторул франчез Жан Антуан Баиф, Пьер Ронсар а фост унул динтре инициаторий ынтемеерий Академией поэзией ши музичий, фондатэ ла Парис ын 1570. Ронсар консidera, кэ поэзия лирикэ с маре нумай атунч, ынд текстул поетик се ымбинэ ку чл музикал. Ар фи, дсч, ексчелент, ка поетул лирик сэ фие ши музичиан ын ачелаш тимп. Ын орьче каз, поетул лирик требуе сэ фие неапэррат музикал, «сэ мэсоаре версуриле сале ку лира», прогэтинд ын фелул ачеста каля композиторулуй, чея че ынсямнэ кэ сл, поетул, требуе сэ-шь кончапэ строфеле ка пе о ануме комбинации музикалэ. Ронсар декларэ, кэ поетул, скриинду-шь версуриле, требуе сэ ле пронунце ку воче таре орь, май курынд, сэ ле ынте⁷. Луй Ронсар ый плэчя сэ-шь ынте версуриле, деши ну авя воче, яр де ла вырста де 17 ань, ын урма уней априже боль, о сурзение дестул де пронунцатэ ши каре споря одатэ ку вырста ыл нэпэстуи пентру тоатэ вяца. Ши тотуш Ронсар а фост ун нэынтрекут поет лирик, музикалитатя версурилор кэруяй-а инспириат пе мулць динтре композиторий времий ши де май тырзиу.

Рефлектынд асупра члоры кытева тезе лансате де Ронсар привинд арта поетикэ франчезэ дин сек. XVI ши, май алес, асупра идеий, кэ ун адевэррат пост лирик требуе сэ фие музикал, м'ам вэзут, интуитив, ын фацэ ку челе доуэ кэрць де ынте пентру копий пе версурь де Григоре Виеру. Ам фэкут ачастэ пунте, ну пентру кэ ла поэзия луй Виеру апелязэ мулць динтре талентаций ноштри композитор сау кэ поэзия луй Виеру ар фи астэзь чя май ынтаатэ. Деши ачест момент е ун адевэр черт. М'а коплешит, аш зиче, фаптул кэ лирикул Виеру се контопеште де дата ачеста ку Виеру-композиторул. Музика а 20 де тексте поетиче дин челе 100 инклусе ын кулежеря билингвэ «Сэ крещть маре» («Расти большой») апарцине аторулуй версурилор. Оаре ну не ворбеште аста деспре ачя «нормэ идеалэ» пентру поэзия лирикэ, ынд поетул ну нумай кэ ышь оркестрязэ музикалитатя версурилор,

⁶ Шишмарев В. Ф. Последние годы Клемана Маро. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература, с. 470.

⁷ Шишмарев В. Ф. Ронсар и музыка. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература, с. 411.

дар ышь екстериоризяэ ғындуриле, сентиментеле ши прин мелодие проприу-зисэ, фие кэ о фаче персонал, фие кэ ын ажтор ый вин композиторий де специалитате. О асеменя поэзие ну поате фи кончепутэ ка о поэзие ын сине. Е ворба де о поэзие-музикэ ши одатэ че авем доуэ компоненте, не ведем, облигация, деч, а не апропия де еа ну нумай прин призма критикулуй литерар, дар ши а музикологулуй.

Ануме астфел прочедяээ В. Ф. Шишмарьев атунч қынды ворбеште де лирика луй Ронсар. Авем аич дой факторы: 1) база музикалэ а версурилор луй Ронсар, адикэ музикалитатя текстулуй ши 2) мелодия проприу-зисэ. Ын примул каз, менционязэ Шишмарьев, веним ла поет; ын чел де ал дойля — порним де ла поет спре тратаря музикалэ а лукрэрилор луй. Есте интересант сэ ремаркэм аич, кэ унеле кулежерь де версурь але луй Ронсар, едитате ын тимпул веций поетулуй, ау фост ынсоците де анексе ку тексте музикале, факт че не доведеште, кэ ынсушь поетул кончепия креация са индисолубил легатэ де тратаря ей музикалэ. Пьер Сертон, Клод Гудимел, Клеман Жанекен, Гийом Костле ши мулць алць композиторь контемпорань поетулуй ау скрис музикэ пе версуриле луй Ронсар. Лирика поетулуй франчез а сервит дрепт несекат извор де инспирации ши пентру композиторий де май тырзину ши, дупэ кум е ши фиреск, композиторий апелауде челе май мулте орь ла поэзия де драгосте а луй Ронсар. «Аморуриле луй Пьер де Ронсар...» аша шь-а ынтитулат поетул кулежеря де версурь де драгосте, едитате ын 1552. Аморуриле пентру Касандра, аморуриле пентру Мария, аморуриле пентру Елена ши Синопе, кыт ши алте аморурь сынт титлуриле ачелор чиклурь де версурь ын каре Ронсар а қыннат ши а прослэвигт юбия.

Ын студиул «Ронсар ши музика» В. Ф. Шишмарьев анализязэ май мулте пьесе музикале инспирате дин лирика луй Ронсар. Унеле сонете ши оде але поетулуй франчез ау фост пусе пе музикэ ну нумай де ун сингур композитор. Карактерул тратэрий музикале ал унуж ши ачелуяш текст диферэ де ла композитор ла композитор, фие-каре динтре ей импримынду-шь маниера са компонистикэ ши де интерпретаре. Ла фел ши популяритатя қынтечелор ши версурилор луй Ронсар а фост инегалэ. Унеле девснисерэ шлагэрэ ын тимпул веций поетулуй, алтеле ау авут о екзистенцэ ефемерэ. Астфел, фрумоаса поэзие «Mignonne, allons voir si la rose...» («Дрэгүцэ, вино сэ ведем, дакэ трандафирул...») дин чиклул «Аморурь пентру Касандра» с'а букурат де о май пущинэ атенциие дин

партия композиторилор контемпорань поетулуй. Доар дой композитор — Гийом Костле ши Фабрис Марен — ау скрис музикэ пе ачесте версурь. Май тырзиу, ку ынчепере дин сек. XIX ши май алес дупэ че илуструл критик ши историк литерар ал Францей — Сент Бьев ый реадуче луй Ронсар слава меритатэ, а кэруй глорие фусесе ынтинатэ тимп де апроапе 200 де ань, лирика де драгосте а луй Ронсар девине дин ноу извор де инспираціе пентру композиторий времий. Принтре чей че ау компус музикэ пе версуриле луй Ронсар се нумэрау ши композиторий франчезъ Пол Дюка (1865—1935) ши Франсис Пулленк (1899—1963). Яр пентру Рихард Вагнер (1813—1883), веститул композитор ши дирижор жерман, поэзия луй Ронсар «*Mignonne, allons voir si la rose...*» фигура принтре ачеле тексте поетиче че-л инспирасэрэ ын аний де дебут пе тэрымул компонистичий.

Ла 11 сентябрье 1924 се ымплинисе 400 де ань дин зиуа наштерий поетулуй Ронсар, яр ла 27 дечембрье 1925 — 340 де ань дин зиуа морций луй. Амбеле студий але луй В. Ф. Шишмарьев «Пьер Ронсар» ши «Ронсар ши музика» ау фост прилежуите ануме де ачесте дате, дар еле ынтрек, десигур, ку мулт кадрул унор материале комеморативе. Скрисе ла ун ыналт нивел штиинцифик, документате пынэ ын амэнунт, еле ау демонстрат ку присосинцэ васта ерудиціе а савантулуй, атыт ын домениул историей ши критичий литераре, кыт ши ын домениул историей ши теорией музичий. Черчетаря лукрэрилор публикате але луй В. Ф. Шишмарьев, кыт ши а чөлөр рэмасе ын манускрисе, а материалелор легате ынтр'ун фел сау алтул де аспектул преокупэрилор музикале але филологулуй не пермите сэ конкидем ку чертитудине, кэ музика а фост пентру В. Ф. Шишмарьев ну о симплэ пасиуне, ын афара интереселор штиинцифике, чи ера парте интегрантэ а черкулуй сэу де преокупэрг.

Челе експусе ну епуизязэ нич пе департе тема абордатэ де ной ын ачест артикол. Черчетаря моштенирий штиинцифике а луй В. Ф. Шишмарьев е абя ла ынчепут де кале ши купринде ынкэ мулте пажинь некуноскуте кярши пентру специалиштий филологъ. Кыт привеште аспектул музикал ал активитэций луй Шишмарьев, ам десенат доар примеле контурурь але ачестуй домениу, пунынд акцентул пе унеле моменте, че цин май мулт де латура практикэ де карактер информатив, ши ну де чя теоретикэ а проблемей.

Лукрэриле луй Шишмарьев «Ноиле куренте ын студиеря монодиилор медиевале», «Ронсар ши музика» консти-

түе ун материал интересант де черчетаре пентру спечиалиштий музиколожь ши май алес пентру чей че се окупэ де история музичий. Ынсэ ам вря сэ ремаркэм аич ун лукру. Аша прекум де фиекаре датэ, апропиинду-не де опера унуй скриитор, дескоперим фацете ной орь момен-теле куноскуте ле перчепем принтру'о призмэ ноуэ, тот аша ши черчетаря моштенирий штиинцифиче а унуй маре савант ыць дэзвэлue де фиекаре датэ ной аспекте, ыць оферэ идея унор ной инвестигаций ши кэутэрь.

Ла о ынтылнире май ын деaproape ку лирика луй Ронсар, ла фамилиаризаря ку материалеле деспре вяца ши активитатя поетулуй франчез ам порнит ануме даторитэ студиерий лукрэрилор луй Шишмарьов привинд история литературий франчезе медиевале, ши май алес а ачелор доуэ студий деспре Ронсар. Ши поате кэ ынтр'ун алт контекст инвестигацииле луй Шишмарьов деспре Ронсар ар путя фи континуате, ымпроспэтате ку унеле дате сау моменте легате де культура ши литература ноастрэ. Ам путя реаминти, де екзем-плу, кэ прима традучере молдовеняскэ дин Ронсар а фост фэкутэ ын 1858 де кэтре Георге Асаки ши кэ Б. П. Хаш-деу ла о шединцэ а Академией енунца о ипотезэ, каре, де алтфел, ну ера ноуэ, деспре обыршия бырлэдянэ а стрэмошилор луй Ронсар; орь сэ не аминтим де поэзия луй В. Александри «Ронсар ла Тулуга», консакратэ поетулуй франчез. Ам путя релуа ачеле дискуций контрол-версате кум кэ ын унеле опере але луй В. Александри ши кяр ла М. Еминеску с'ар ресимци инфлюенца луй Ронсар.

Ын 1984 се ымплинеск 460 де ань де ла наштеря луй Ронсар, яр ын 1985 — 400 де ань де ла моартя поетулуй. Сэ сперэм, кэ пынэ ла уна дин ачесте дате жубилиаре вом диспуне ши де о антологиe а лиричий луй Ронсар ын тэлмэчире молдовеняскэ.

Л. И. Куруч

МОЛДАВСКАЯ ВЕРСИФИКАЦИЯ НА РАННИХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ

В своих трудах академик В. Ф. Шишмарев уделял много внимания вопросам генезиса и развития различных поэтических жанров и форм, в чем особенно ярко проявилась его блестящая филологическая эрудиция и стремление вникнуть в самые тонкие подробности изучаемых явлений. К этой тематике относятся «Этюды по истории поэтического стиля и форм», объединяющие три работы: «Припев и аналитический параллелизм» (1901), «Начала пастурелли» (1907—1908) и «Альба» (1907), исследования и статьи «Несколько замечаний к вопросу о средневековой лирике» (1912), «Новые течения в средневековой монодии» (1912), «Рауль де Камбрэ (К вопросу о генезисе старофранцузского эпоса» (1931), многочисленные изыскания по истории итальянской литературы, а также в некоторой степени и труд «Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР» (1952). Хотя перечисленные статьи и монографии специально версификации не касались, исследования выдающегося филолога-романиста очень ценные и для стиховеда, так как служат богатейшим источником мыслей и научных сведений. В них различные проблемы поэтической формы разрабатывались на широком сравнительно-историческом материале, поиск которого часто приводил ученого к народным истокам.

В нашей небольшой статье мы постараемся, насколько позволяют накопленные до сего времени сведения, высказать свои предположения относительно генезиса и исторической смены стиховых форм в молдавской версификации на самых начальных фазах становления.

Следует с сожалением отметить, что в научной литературе ответы на вопросы, касающиеся происхождения стихосложения романских языков (да, впрочем, и языков других народов), и сегодня решаются гипотетически. И это потому, что задача, действительно, не из легких. Очень трудно с полной достоверностью установить истоки явления, берущего свое начало в глубине веков, особенно в тех случаях, когда сохранилось так мало письменных документов. Древние записи народно-поэтического материала скудны, правда, и у других народов, но все же встречаются на несколько веков раньше. Так, по утверждению В. Ф. Шишмарева, в Италии они появляются не ранее XII в., хотя и фрагментарные и случайные¹.

Относительно генезиса стихосложения народов, говорящих на романских языках, ученые высказывают в основном два предположения. Одни придерживаются мнения, что их версификация идет от народной латыни, утратившей признак количества — долготу звуков. Другая точка зрения высказана немецким стиховедом Теодором Эльвертом: «Французское стихосложение, так же как и стихосложение других неолатинских языков (курсив наш.—Л. К.), не произошло из народной латыни, как это продолжает трактоваться в школьных учебниках, — оно не происходит непосредственно тем более из стихосложения классической латыни. Оно возникло из средневекового книжного стихосложения, в котором ударение вытеснило количества и которое является ритмическим стихосложением в противоположность античному метрическому стихосложению. Преобразование латинского стиха в тонический² стих латинского средневековья происходило постепенно, начиная с IV в. н. э. в области христианской литургической поэзии³. Автор указывает далее, что в латинском средневековом 11-сложнике ударение фиксировалось на 4-м, предцезурном и 10-м, предпоследнем слогах, а остальные ударения были подвижными⁴.

Возможно, названное Т. Эльвертом книжное стихосложение средневековой латыни, обслуживавшей тогда науку и богослужение, и имело значительное влияние, может

¹ Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, с. 198.

² Здесь термин «тонический» употреблен со значением: стихосложение, в котором играют роль ударные и безударные слоги, а не в значении современного понятия, относящегося к определенной системе, например, тонический стих Маяковского.

³ Elvert Th. W. *Traité de la versification française dès origines à nos jours*. Р., 1965, p. 18.

⁴ Там же, с. 19.

быть, даже определяющее на французскую версификацию. Но подобное влияние кажется маловероятным, когда речь идет о молдавском стихе. Генезис молдавской народной версификации нельзя связывать со средневековым книжным стихосложением богословского характера. Во-первых, литургия в средние века в Молдавском княжестве велась не на латинском, а на древнеславянском языке, во-вторых, даже стих древнеславянских церковных песнопений не содержит ритмических элементов, способных повлиять на молдавскую фольклорную версификацию, ибо это даже не было стихом в принятом смысле слова. В церкви до второй половины XVII в. пелась проза, как, впрочем, зачастую и в XIX в. и позднее. Так, например, тексты книги песен (ирмологиона), составленной на славянском языке между 1504 и 1511 гг. сучавским монахом Евстatiем, не содержали ни ритма, ни рифмы: «...Северная страна вся радуйтесь и веселештесь, вэзыграйте посреде себе имаште звезда незаходима и многосветлая солнечная заря пре-восдештая Иоанна великоименитаго благочестиваго...»⁵ К тому же песенный фольклорный стих молдаван существовал, безусловно, с более давних времен. Каким был он?

Многочисленные записи, сделанные в XIX и XX вв., свидетельствуют о том, что в молдавском народном песенном стихе преобладают два размера: 8—7-сложник и 6—5-сложник (второй более редок). Молдавскому народному стиху не присущи упомянутые Т. Эльвертом ни десятисложник, ни одиннадцатисложник (эндекасиллаб) с его прикрепленными двумя ударениями, ни цезура, что тоже важно. Эти размеры утверждаются через славянские духовные стихи намного позднее, в период становления письменной молдавской литературы, во второй половине XVII в. (ученый силлабизм), а до этого всегда существовали соединенные воедино танец, песня и стих. Последний на определенном историческом этапе стал сопровождать мелодию — более древнюю форму искусства.

Преобладание восьмисложного размера в молдавских народных лирических песнях является, конечно, результатом длительного многовекового отбора, но из тех художественных средств, которые использовались уже в предшествующем историческом и эстетическом развитии, ибо, как правильно подчеркнул греческий литературовед-марксист Костас Варналис, техника творчества есть «про-

⁵ Яцимирский А. И. Кирилловские нотные рукописи с глаголическими тайнописными записями. — Яцимирский А. И. Шесть статей по славянской и русской письменности. М., 1901, с. 36.

дукт общественной жизни»⁶, или то, что другие авторы называют определенным «модусом мышления». Под этим термином украинский музыковед С. И. Грица понимает «комплекс устоявшихся мировоззренческих и эстетических установок, сформировавшихся под влиянием общественных, идеино-эстетических норм деятельности данной среды. Последняя императивно влияет на фольклорное произведение»⁷. «„Модус мышления“», — справедливо утверждает исследовательница, — непременно отражается в тематике, жанровых видах и формах народного творчества и особенно в словесном и музыкальном языке»⁸.

История восьмиложника берет свое начало в глубокой древности. Восьмиложный размер существовал еще в первой книге индийских Вед, а именно в «Ригведе», относящейся к рубежу второго и первого тысячелетий до нашей эры. Как указывает известный итальянский стиховед Дж. Пиги, один из гимнов «Ригведы» из первой ее части написан восьмиложником (54 стиха)⁹. В древнейшем индоевропейском стихосложении существовал и другой, более долгий силлабический стих из 10—12 слогов. Уже в латинской и греческой классической поэзии силлабические размеры были вытеснены гекзаметрами, более сложными и длинными размерами. Но в народной латыни «следы» древнего восьмиложника сохранились в так называемом «квадратном стихе» (*versus quadratus*) солдатских песен. Это был силлабический стих хореического типа о 15 слогах с цезурой после восьмого слога: 8+7. Румынский стиховед Т. Сперанция, а позднее венгерский ученый Л. Гальди справедливо считали, что восьмиложник хореической тенденции происходит от более длинного латинского народного стиха, который распевали римские воины во времена триумфа Цезаря:

Gallias Caesar subegit, Nicomedes Caesarium¹⁰
(Цезарь подчинил Галлии, Никомед — Цезарь)

Народная латынь, сыгравшая важную роль в формировании молдавского языка, повлияла, вне всякого сомнения, и на народный стих романизированного насе-

⁶ Варналис К. Эстетика—критика /Пер. с греч. Ф. Х. Кессиди и Т. В. Кокуриной; Предисл. и общая ред. Ю. Борева. М., 1961, с. 68.

⁷ Грица С. И. Мелос украинской народной эпики: Автореф. дис. ... докт. искусств. Киев, 1981, с. 19.

⁸ Там же.

⁹ Pighi G. B. Studi di ritmica e metrica: Raccolti a cura della facolta di lettere dell' universita degli studi di Bologna. Torino, 1970, p. 6.

¹⁰ Galdi L. Introducere în istoria versului românesc. Buc., 1971, p. 392.

ния — предков молдаван. Путем сегментации, чтобы облегчить пение, первая доцезурная половина стиха была превращена в самостоятельный стих.

Следует особо подчеркнуть, что восьмисложник — это очень удобный для пения стих. Он позволяет певцу делать паузу после каждой мелодически-текстовой синтагмы (стихового ряда), и, если это нужно, дает ему возможность брать два стиха на одно дыхание. Это, можно сказать, очень удачно найденная золотая середина. Как доказывает Л. Гальди, восьмисложник стал основным размером не только у дако-румын, но и у других народностей романской языковой ветви: у арумын, мегленитов, истрорумын¹¹. Восьмисложник встречается также почти у всех славянских соседей: болгар, поляков, украинцев и др., но у них, кроме этого размера, в песенном фольклоре существуют и десятисложники, и двенадцатисложники, и четырнадцатисложники, потенциально способные повлиять на молдавскую поэтику стиха. Этого, однако, не случилось, потому что именно восьмисложный размер опирался на многовековую традицию народного латинского «квадратного стиха» (а не на гимнический восьмисложник латинской средневековой литургии типа: *Stabat mater dolorosa*). Все сказанное выше относится лишь к метрической области поэтики.

Как известно, латинский стих (классический, народный и средневековый литургический) не имел рифмы.

Хотя замечание молдавского классика Г. Асаки о том, что языки, берущие свое начало из латинского, тяготеют к рифме¹², верно, все же было бы ошибочным утверждать, что восточно-романсконое население позаимствовало рифму у западно-романского. В такой области, как фольклорная поэтика, влияние могло быть эффективным только в среде проживающих вместе или соседствующих народов.

Происхождение рифмы в молдавских народных стихах как песенных жанров, так и говорных мы представляем себе несколько иначе. Уже в молдавских народных сказках — жанре, уходящем своими корнями еще в дофеодальную эпоху, нередко встречаются созвучия не только глагольных форм, но и других (прилагательных и даже существительных). Так, например, в фантастической сказке «Ионикэ Фэт-Фрумос», записанной в варианте известного сказителя Трифана Балтэ, встречаются такие созвучия: «Да ту сэ ну гындешишь, ку дудука сэ-л логодешишь...»,

¹¹ Galdi L. Op. cit., p. 28.

¹² Асаки Г. Скрипъ алесе. — Ед. а 2-а, рев. ши комп. — Кишинэу, 1968, п. 444.

«...о фэкут нунтэ, домнул сэ в'о аудэ...», «...авынд вяцэ ку дулчацэ», «...ши нумай ынфлореск, дакэ ну родеск», а концовка сказки вообще дана в стихах типа народного рифмовника:

Да еу м'ам пус пе ун пай де секарэ
Ши в'ам аштернут о повесте ын астэ сарэ,
Да дакэ м'аш-сүи пе ун кырлиг,
Аш мынка ун ковриг
Ши аш фи ом войник¹³.

В «Сказке про Литфана, Симинока и Бусуйока» есть созвучие, основанное на окончаниях прилагательного: «...Я слобоаде ту о парэ верде пэгыняскэ ши еу о парэ рошие крещтияскэ...»¹⁴. Думаем, что включение стихов в сказочное повествование (в начале, в конце, перед новым поворотом сюжета и т. д.) в качестве дивертисмента относится к более поздним наслоениям, а рифмоидные созвучия в прозаическом тексте — это древний народный поэтический прием для подчеркивания каких-то ключевых слов, значений и др. Первоначально рифмоидные созвучия возникали стихийно в конце определенных синтаксических отрезков на основе глаголов или прилагательных. Такие созвучия встречались сплошь и рядом в ранневизантийской риторической прозе¹⁵. С. С. Аверинцев спрашивливо определяет их как **гомеотелевты** (от гр. *омеотелевта*), а не как рифмы, и видит их отличие от рифм в произвольности применения. Рифма регулярна, она указывает на систему (парность, перекрестность и т. д.), а гомеотелевт — только на тенденцию или на возможность¹⁶. Но названный автор подметил еще одну интересную особенность: «Гомеотелевт обращается не только к уху, даже не только к глазу; он обращается к рассудку... Фонетическое сходство не самоценно, а служебно; оно всего лишь знак словесной геральдики, выделяющий привилегированные слова, удостоверяющий их логико-синтаксическую параллельность и подчеркивающий их смысловое сближение или противоположение»¹⁷. Корни греческих гомеотелевтов лежат, безусловно, в народной прозе. Последние нередки и в молдавских сказках.

Именно гомеотелевты, а не рифмы создавал Дмитрий Кантемир, большой знаток Востока, с целью сближения и противоположения понятий в своих двух значительных

¹³ Повешть фантастиче /Алкэт., арт. ынтр. ши ком. де Гр. Ботесату. Кишинэу, 1976, п. 308.

¹⁴ Там же, с. 117.

¹⁵ См.: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 221—236.

¹⁶ Там же, с. 228.

¹⁷ Там же, с. 226.

произведениях в прозе «Диван, или Спор мудреца с миром, или Тяжба души с телом» (1698) и «Иероглифическая история» (1705). Показательны следующие отрывки: «...Тыргуриле челе *нородоасе*, четэциле челе *выртоасе*, сателе челе *десе*, вииле челе *родитоаре*, цариниле челе де бишуг *дэтэтоаре*, грэдиниле челе ку флорь *фрумоасе*, ли-везните челе ку помэтурь *дрэгэстоасе...*»¹⁸; «Армэсарюл вэзынд кэ лупул ну ка динтый врэжмаш *нэвэлеште*, че ка стырвул морт пэмынтулай *се липеште* ынтый де департе пре нэрь *форыя*, апой май ку ындрэзнялэ де луп *се апропия ...*»¹⁹ (курсив наш. — Л. К.). Следует отметить, что гомеотелевты строятся здесь сознательно, но применяются выборочно; близкие понятия выделяются путем синонимии: *нородоасе* — *выртоасе*, *родитоаре* — *дэтэтоаре*, *фрумоасе* — *дрэгэстоасе*; а противоположные — путем антонимии: *нэвэлеште* — *липеште*, *форыя* — *апропия* и т. д. Местами Д. Кантемир нанизывает гомеотелевты по три-четыре на одно созвучие, а не по два, как это чаще бывает в рифме.

В связи с вышесказанным можно сделать предположение, что многократные рифмы (монорифмы), часто встречающиеся в молдавской народной поэзии, также возникли спонтанно, в результате ритмико-синтаксического параллелизма. Они, безусловно, древнее по своему происхождению. А исключительно парная рифмовка, закрепившаяся в молдавской народной поэзии, как песенной, так и говорной, утвердила, по нашему мнению, позднее, вследствие славянского влияния не раньше начала XVII в., когда стали осуществляться переводы богословских книг силлабическими стихами польского и русского образца. Нашу точку зрения мы подкрепляем тем фактом, что в итальянской средневековой народной и особенно книжной поэзии рифмы чередовались перекрестно или иногда еще сложнее, как чередуются они, например, в одной неаполитанской песне, относящейся к XV столетию:

Fruste ccà, Margaritella.	a
ca si 'troppo scannalosa,	b
che per ogni poca cosa	b
vutte pnanze la gonnella.	a
Fruste ccà, Margaritella ²⁰ .	a

¹⁸ Додицэ Г., Марин В. История лимбий ши а литературий молдовенешть: Крестомацне пентру факултэциле де филологияне. Кишинэу, 1966, п. 283.

¹⁹ Кантемир Д. История иероглификэ. — Ед. а 2-а. — Кишинэу, 1973, п. 81.

²⁰ Crestomatie romanică /Intocmită sub conducerea acad. Iorgu Iordan. Vol. 1. Buc., 1962, p. 707.

В молдавских же силлабических стихах, как в польских и русских, рифма была исключительно парной, без строфической разделенности. Именно таким путем развивалась молдавская народная поэтика. Источники ее кроются, как мы полагаем, в средневековом византийском влиянии богословского характера на православный мир славян, а через него на фольклорный, а затем и на молдавский книжный стих. Рифмы в молдавском народном стихе хорошие, звучные и свидетельствуют о книжной силлабической традиции.

Таким образом, как нам представляется, становление молдавского народного стиха шло следующим путем: метрика брала начало из собственных источников и в то же время опиралась на народно-латинский стих, а рифма, исконная по происхождению, испытывала влияние поэтики молдавского книжного силлабического стиха славянского происхождения и народного украинского стиха. Межнациональные связи соседствующих народов всегда были составной частью фольклорного процесса. Этот вывод подтверждается и мнением фольклористов, исследующих другие аспекты молдавского народного творчества. Так, например, И. Д. Чебан пишет: «...Молдавский язык, а также частично, на наш взгляд, и народное творчество формировались главным образом на латинской и славянской основе»²¹.

Что касается стиха молдавских народных непесенных жанров, то он чаще всего имеет форму доггереля, иначе раёшного стиха, или рифмовника²², — неметрического стиха, строящегося на фразовой интонации и на рифме. Вот он в наиболее давней записи 1804 г.:

Доузпрезече чоаре пырлите
Пентру думневоастрэ сынт гэтите,
Дойспрезече чокырлий фрипите
Пентру колэкарь гэтите.
Ши доузпрезече цынцарь
Сэ вэ фие алотарь,
Адикэ скрипкарь²³.

Такой стих имеется у всех соседних славян, например, у русских:

Спасибо на красном слове, господа,
С самого испода,

²¹ Чебан И. Д. Молдавская народная лирическая поэзия. Неорядовая песня. Кишинев, 1973, с. 46.

²² Термин Л. И. Ибраева. См.: Ибраев Л. И. Рифмовник (К проблеме происхождения русского речевого стиха). — ФН, 1975, № 4, с. 24—34.

²³ Студий ши материале де фолклор. Кишинэу, 1971, п. 161.

А ты, дядюшка Тарас,
Послушай-ка лучше нас...
Расскажи, как в высоком терему
Сидит красная девица,
Собой белолица,
Полна, румяна,
Без всякого изъяна...²⁴

Рифмовник, очевидно, возникал у разных народов самостоятельно — как результат типологического отбора из народной прозы с повторяющимися звучаниями — при аналогичных условиях общественного и идеологического развития.

Обратимся теперь к проблеме соотношения музыки и текста в молдавской песенной народной поэзии и к вопросу о хореичности молдавского песенного стиха.

Что возникло раньше: музыка или текст? Что членено в народной песне? На эту тему велись и сейчас ведутся споры в фольклористике. Некоторые исследователи считают ведущим началом музыку, другие — стихотворный текст, третий доказывают нерасторжимое единство между обоими элементами. Так как правильное решение этого вопроса может пролить свет на структуру стихового компонента молдавской песни, мы попытаемся высказать свою точку зрения и на этот счет.

Участникам фольклорных экспедиций не раз приходилось удивляться неумению народных певцов продиктовать отдельно слова только что спетой песни. Последние испытывают большие затруднения — приходится снова, уже про себя, напевать соответствующие места, чтобы восстановить в памяти текст. Этот факт, по нашему мнению, говорит не столько о нерасторжимости обоих элементов музыкального фольклора, сколько о ведущей роли музыкальной мелодии (песенной синтагмы). Именно она обусловливает длину стиховой строки и порядок слов в ней. При этом места ударения в словах не столь важны, важен силлабический объем слов. Очень часто словесное ударение не совпадает с музыкальным, и тогда певец поет «Тачь, куку́ле, ну кынта!» или «Тачь, фину́ле, ну фэ зво-нэ...»²⁵, поет «Пентру окъ ка мурлийу...» вместо «Пентру

²⁴ Цит. по: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X. Спб., 1883, с. 202.

²⁵ ФА АН МССР, фонд 19, опись 3, 1981, № 320, лист 22; инф. Е. С. Морару, 60 лет, 3 кл., с. Ширеуцы Бричанского района МССР, кол. Ботезату Г. Г., Гацак В. М., Куруч Л. И., Секэряну С. Г. См. также фонограмм-архив сектора фольклора Института языка и литературы АН МССР, материалы августовской фольклорной экспедиции 1981 г.

окъ ка муреле» и т. д.²⁶ Кроме того, при повторном исполнении певец может употребить местами уже другие слова, но того же слогового объема и подчиненные тому же музыкальному ритму.

Упомянутый музыковед С. И. Грица наблюдает те же явления в украинском музыкальном фольклоре особенно малых форм, в которых часто встречаются повторы лексического порядка: «...Противоположную тенденцию наблюдаем в маломасштабных лирико-эпических произведениях, исторических песнях, балладах, где мелодия господствует над текстом, диктуя ему повторения»²⁷. Соглашаясь с мнением С. И. Грицы, мы все же считаем, что и в крупномасштабных фольклорных произведениях существует то же положение: длина отрезков речи обуславливается мелодией.

При всем ведущем начале музыки стиховед имеет право, однако, изучать отдельно, со стиховедческой стороны, текст фольклорной песни после того, конечно, как он записан со всеми его лексическими подробностями. Главным образом по этой причине стиховедам необходимо знание музыкальной записи — чтобы не пропустить восполнительные постфиксы: *-у*, *-о*, *-ре*, *-ой*, рефрены типа *мэй*, *Ляно* и др.²⁸ Они, эти восполнения, выравнивают стих до нужной нормы: 8 слогов! Ибо тяга к восьмисложности в молдавском песенном стихе очень сильная. Она свидетельствует о прочной традиции. Ради нее к стилю добавляются даже бессмысленные частички:

Дупэ окъ ка мурилиу	8 сл.
Ам дат ой ка флорилиу,	8 сл.
Дупэ окъ, дупэ спрынчене,	8 сл.
Ам дат онцеле меле.	8 сл.

В этой балладе про чабана, потерявшего своих овец, информатор Алексей Д. Кожокару из с. Ширеуц Бричанского района МССР слова *мурилиу* и *флорилиу* произносил с перемещенным на конец ударением и причем сдвоенным (*мурилиу́*, *флорилиу́*), что в обычном произношении выглядело бы совсем иначе: *муреле* и *флориле*. Тот же А. Кожокару, в другом случае пел

Ионел де песте дял, мэй,
Еу н'ам фост, кэ н'ам зэкут, мэй...

²⁶ Там же, с. 44, инф. А. Д. Кожокару, 84 года.

²⁷ Грица С. И. Мелодии украинской народной эпики: Автореф. дис. ... докт. искусств. Киев, 1981, с. 30.

²⁸ Первые заметки о феномене восполнительных слогов в трансильванском музыкальном фольклоре принадлежат венгерскому композитору Белле Бартоку. См.: *Bartok B. Scrieri mărunte despre muzica populară românească, adunate și traduse de C. Brăiloiu*. Бuc., 1937, p. 52.

т. е. превращал семисложные стихи в восьмисложные. Бинарность музыкальных тактов, основанных на различной длительности звуков, содействует сообщению тексту хореического характера и нивелированию всяких отступлений. Освобожденный же от мелодии текст уже не будет выглядеть таким стройно хореическим, а лишь квазихореическим, потому что при произнесении мы уже имеем право читать: *Тачь, күкуле, ну кынта* (Молчи, кукушка, не пой), а не *Тачь, кукүле, ну кынта*, как пелось в песне. В записанном тексте песни можно также обнаружить такие структурные черты, которые при музыкальном исполнении были скрыты (словесно-метрическое оформление концовок стихов, синтаксические фигуры и др.).

Иначе говоря, мы получаем уже несколько другую, сугубо текстовую реальность, и именно она необходима в первую очередь стиховеду для работы. Все это подтверждает мысль о том, что народ слагал не хореические стопы, а восьмисложные или шестисложные стихи, соразмерно с музыкой, что стих молдавской народной песни прежде всего силлабический. А хореический характер его возникает благодаря просодическим особенностям молдавского языка. По нашим наблюдениям, 5—6 и 7—8-сложные отрезки молдавской речи часто укладываются в хореические схемы ($\text{—}\text{U}\text{—}\text{U}\text{—}\text{U}\text{—}\text{U}$), хотя зачастую не столь уж четкие. Но молдавский язык сохраняет примерно равные возможности, и даже большие для организации ямбических стихов ($\text{U}\text{—}\text{U}\text{—}\text{U}\text{—}\text{U}$). Статистика ритмических структур (РС) в художественной прозе показала 49,82% для хорея и 50,17% для ямба. Почему же ямба почти нет в молдавской народной песенной поэзии? А дело в том, что решающую роль играет тяготение к расположению ударения на первом месте в звуках музыкального такта народной мелодии, а также в словах традиционного начального стиха песен («запев», по терминологии А. Веселовского), содержащих сильную хореическую каденцию благодаря лексически и метрически устойчивым запевам:

Фрунзэ вέрде де негàрэ... Лист зеленый ковыля...

Фрунзэ вέрде мэрэйне...²⁹ Лист зеленый колючего кустарника...

²⁹ Настраивающий запев «Фрунзэ верде...» («Лист зеленый...») является остатком древнего психологического параллелизма, когда сопоставлялись два момента: один из жизни человека, другой — из жизни окружающей природы. У итальянцев сохранилась цветочная параллель: *Fiore di canna!* Подробно об этом см.: Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля (1898). — В кн.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика/Ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1940, с. 125—199.

и задающих хореическую интонацию молдавскому народному стиХу. Хореическое «Фрунзэ верде» служит как бы концентрирующим началом, запевом для всей песни. Эту каденцию поддерживают обязательные рифмы с их устойчивыми ударениями, что на небольшом отрезке в 8 слогов приводит к некоторому «выравниванию» размера, служит поддержкой хореической инерции. Если стих длиннее восьми слогов, эта хореическая инерция нарушается:

Оф, мáмэ, де че м'ам мэрітат! — 9 сл. ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
Ну штиу зече — сау чинчпрезече... — 9 сл. ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘

Таким образом, молдавский песенный стих следует считать силлабическим хореического типа, памятую о том, что хореичность его возникает спонтанно в силу указанных выше причин. Поэтому нет необходимости выделять хореические стопы в этом стихе, как поступают многие исследователи, а следует говорить лишь о хореической тенденции, о хореическом типе этого стиха.

В 1643 г. в Яссах вышла из печати первая книга на молдавском языке — «Казания» митрополита Варлаама. В ней помещены и три однотипные стиховые композиции (28 стихов). В начале книги напечатаны стихи автора «на герб Молдавии». Это так называемые «гражданские стихи» (от гр. *stihos politikos*), ведущие свою традицию от византийских народных образцов. Стихи Варлаама обладают различным силлабическим объемом (8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19 и др.) и соединены исключительно женской рифмой:

Деши ведзь кында сэми грозник	— 8 сл.
Сэ ну те мирь кэнд сэ араты путярник,	— 12 сл.
Кэ путярникул путяря-л ынкипуюште	— 13 сл.
Ши слэвитул подоаба-л скизмяште... ³⁰	— 10 сл.

Последнее обстоятельство указывает на возможное польское влияние. Византийские *stihos politikos* были 15-сложными и имели ямбическую тенденцию. Стихи Варлаама неравносложны, как и старые польские, до Яна Кохановского (досиллабический стих). Цезура — подвижная, стоит то после пятого, то после седьмого слога. В связи с тем, что длина стихов в большинстве своем превышает 12 слогов, каденции не сбиваются на разбитной рифмовник народного типа, а тяготеют больше к трехударному акцентному стиХу.

Во второй половине XVII в. силлабический стих, уже строгого польского образца, утвердился в большом произведении — «Псалтыри в стихах» (1673) митрополита До-

³⁰ Додицэ Г., Марин В. Указ. соч., с. 142.

сифея (1624—1693). 8634 стиха перевода со славянского православного источника были сложены размерами в 6, 7, 8, 10, 12, 13 и 16 слогов с парными рифмами, с большими и малыми цезурами и без цезур. Как установили исследователи (И. Биану, Л. Гальди), большинство размеров следовали метрическим образцам перевода Псалтыри на польский язык Яном Кохановским в 1577 г. Досифей является также автором стихотворного перевода на молдавский язык пролога к трагедии «Ерофили» критского драматурга первой половины XVII в. Георгиоса Хортасиса, а также многих религиозных стихов. В них попарно рифмуют уже различные части речи: глаголы с прилагательными, существительные с наречиями и т. д. И Досифей, и его современник Мирон Костин — другой стихотворец-силлабик — получили образование в Польше, были знакомы с высокими для того времени образцами польской культуры. Мирон Костин написал тринадцатисложником философскую поэму «Жизнь мира», а также поэму на историческую тему на польском языке и польскими ритмами. Но переход к силлабической системе стиха в XVII в. (система действовала до середины XIX в.) хотя и был вызван связью с культурной традицией славянских народов (русского, украинского, польского), опирался вместе с тем на опыт молдавского народного стиха песенных жанров, в которых стих, повторяясь, слагался как силлабический, но благодаря сравнительно короткому слоговому объему (5—6, 7—8 слогов) звучал приближенно к силлабо-тоническому. Поэтому, когда у поэтов-силлабиков была правильно поставлена цезура, семи-восьмисложные полустишия тяготели к хореическим размерам, например, у Досифея:

Капуп чел де буыр॥а хяры веститы
Сэмнядзы путяр॥церый несмититы...

В полустишиях силлабического стиха образца первой половины XIX в. хореическая тенденция проявляется еще отчетливее. Таким образом, новая силлабо-тоническая система вызревала в недрах силлабики.

Несколько слов следует сказать о «Рифмованных летописях» 70-х годов XVIII в. Этот неравносложный, дисметрический, бесцезурный, с парной рифмовкой стих идет от народных истоков — от стиха непесенных фольклорных жанров. Таким 6—8-сложным размером сложены «Слова в стихах о Хотинской крепости», «Стихи на смерть господаря Григорие Гика...», «Стихи на гибель покойного Манолаки Богдана...», «Песнь в связи с кончиной свет-

лейшего князя Григория Александровича Потемкина Таврического...», «История, случившаяся в Галацах» и др. Существовали «истории», написанные и более длинным стихом, как, например, «Румянцев в сражениях между русскими и турками (1769—1772)». Но и здесь это стих народного рифмовника, и он часто напоминает о своем прибауточном назначении. Создателями этих летописей являлись люди грамотные, скорее всего они были участниками походов русской армии против турок или свидетелями других исторических событий. Несомненно и то, что они, люди крестьянского происхождения, не утратили еще связи с народной средой, с устным народным творчеством. «Рифмованные летописи» — пример раннего опыта использования народных стиховых размеров для написания произведений большего объема.

Первым молдавским поэтом, сознательно применившим не только хореический, но и ямбический и адонический размеры, был Георгий Асаки (1788—1869). Отталкиваясь от греческих и латинских классиков, он заменил долгий слог ударным, а краткий — безударным. Переход к новой силлабо-тонической системе осуществился чисто практически, без теоретических обсуждений, подобных тем, что имели место, скажем, в русском стихосложении (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков). Но силлабическая система сосуществовала у нас рядом с силлабо-тонической еще долго, до середины XIX столетия (А. Белдиман, Н. Димаки, К. Конаки, А. Хрисоверги, К. Стамати и др.), после чего она отступает перед версификацией таких больших мастеров стиха, как В. Александри и М. Эминеску, поднявших молдавское классическое стихосложение до вершин метрического, ритмического, фонического, строфического и мелодического развития.

E. A. Толоченко

ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕКСТОВ — ОСНОВА ЛЕКСИКОГРАФИИ

Владимир Федорович Шишмарев в своей книге, посвященной крупнейшему историку и теоретику литературы, писал, что А. И. Веселовский остается «до наших дней не-превзойденным русским мастером литературной науки, обаяние которого передается читателю и до сих пор со страниц его золотого научного наследия»¹. Эти слова можно отнести и к самому В. Ф. Шишмареву. Выдающийся советский филолог-романист академик В. Ф. Шишмарев «сумел органически объединить в своей исследовательской и педагогической работе наследие передовой науки прошлого, русской и зарубежной, с новыми проблемами и методами современной советской науки»².

За три монументальных сочинения, посвященных истории французского языка от его зарождения в IX в. до конца XV в. — «Историческая морфология французского языка» (1952), «Книга для чтения по истории французского языка» (1955)³, «Словарь старофранцузского языка» (1955), — ученый первый из советских филологов был удостоен звания Лауреата Ленинской премии 1957 г. Эти труды получили высокую оценку в отзывах, где, в частности, отмечалось, что мы располагаем теперь на русском языке таким пособием по изучению старофранцуз-

¹ Шишмарев В. Ф. Александр Веселовский и русская литература. Л., 1946, с. 3.

² Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. М.; Л., 1965, с. 3.

³ Дальше в тексте эта работа будет обозначена сокращенно: «Книга для чтения».

ского языка и словесности, какого в научной литературе еще никогда и нигде не появлялось⁴.

Особый интерес для нас представляет «Книга для чтения» как полное собрание старофранцузских текстов, разнообразных по своему жанру и стилю, охватывающих все этапы указанного периода. Здесь представлены поэзия, художественная проза, историческое повествование, деловые документы, научные труды и переводы. Антология содержит не только отобранные из наиболее значительных памятников отрывки, но и научные комментарии историко-литературного, этнографического и лингвистического характера, необходимые для глубокого понимания текста, его языка и значения самого памятника в истории французского языка и литературы.

Задачей «Книги для чтения», как заявляет сам автор во введении, является ознакомление изучающего французский язык с конкретными фактами его истории и вовлечение в работу над этим материалом. «В. Ф. Шишмареву был присущ широкий историко-филологический подход к исследованию фактов языка. Его отношение к изучению языковых памятников основывалось на убеждении, что именно в речи, а следовательно, в тексте язык живет своей полной жизнью...»⁵ «Книга для чтения» — это «синтез литературоведческих, текстологических и лингвистических исканий» ученого, для которого отличное понимание текстов служит основой филологии⁶. Очень хорошо по этому поводу сказал Л. В. Щерба в своей речи на чествовании 65-летия со дня рождения и 40-летия научной и педагогической деятельности В. Ф. Шишмарева: «Вы требуете от учеников читать тексты, да не так, чтобы как-нибудь, а как следует и на этом базировать все дальнейшие выводы»⁷. Сам В. Ф. Шишмарев во вступительной статье «Книги для чтения» подчеркивает, что необходимо терпеливо накапливать фактическую осведомленность, так как подобно И. П. Павлову считает факты «воздухом ученого»; это позволит вскрыть закономерности явлений⁸. Его концепция, теоретические положения, методы исследова-

⁴ Изв. ОЛЯ АН СССР, 1956, вып. 4, с. 376—379; Михальчи Д. Е. О трудах академика В. Ф. Шишмарева. — ВЯ, 1957, № 5, с. 122—125.

⁵ Реферовская Е. А. О работах академика В. Ф. Шишмарева по истории французского языка. — В кн.: Исследования по романской филологии. Л., 1978, с. 3.

⁶ Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева. М.; Л., 1965, с. 218.

⁷ Там же.

⁸ Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. IX—XV вв. М.; Л., 1955, с. 6.

ния, подход к изучению системы языка, фактов языка остаются актуальными и сегодня.

Мы обратили особое внимание на широту охвата текстов различного характера в «Книге для чтения», в том числе и переводов, которые рассматриваются В. Ф. Шишмаревым как неотъемлемая часть целого сложного процесса становления и развития французского языка. Такой подход к переводам дает основание включить в фонды лексикографической картотеки источники переводной социально-политической и особенно художественной литературы для расписывания на карточках лучших образцов перевода из шедевров мировой и отечественной художественной литературы в большем объеме, чем это было сделано до сих пор, учитывая также и то, что в условиях нашей республики более 50% издаваемой литературы — это переводная литература. Важно и то, что при переводе мы сталкиваемся с методами изучения языковых явлений в сопоставительном плане и ономасиологическом аспекте. В первом случае при сопоставлении языков неизбежно обнаруживаются такие закономерности, которые могут ускользнуть при исключительно «внутреннем» рассмотрении языковых фактов. Во втором случае выявляются языковые средства одного языка и соответствующая передача их на другой в направлении **от смысла к средствам выражения**⁹.

Мы ни в коей мере не хотим умалить значение оригинальной литературы для цитирования образцов текстов и иллюстрации словарных статей. Не подвергаем сомнению общепринятые принципы подбора источников, из которых производится лексическая и фразеологическая выборка для картотеки. Но традиционные два типа источников (первый тип включает разнообразные по своему характеру произведения художественной, публицистической, общественно-политической, научной, научно-популярной и т. п. литературы, обогащая картотеку цитатами, в которых раскрываются значение и стилистическая окраска слова, конкретизируется форма его употребления; второй тип охватывает деловые тексты, указы, законы, уставы, энциклопедии, разнообразные словари, учебники, пособия и другие издания справочного характера, обеспечивающие картотеку вспомогательными материалами¹⁰) мы предлагаем расширить за счет образцовых переводов сочинений

⁹ Ср.: Филин Ф. П. «Русский язык» за рубежом. — Литературная газета, 1975, 24 сент., с. 3.

¹⁰ Разработка лексики и фразеологии современного русского языка. Л., 1972, с. 6.

В. И. Ленина, шедевров мировой, русской и советской многонациональной литературы.

Проблемы теории и практики перевода и особенно художественного перевода занимали В. Ф. Шишмарева в течение всей жизни. Они нашли отражение в разных его публикациях¹¹. Одной из наиболее значительных работ в переводческой практике филолога является перевод новелл Франко Саккетти, опубликованный в 1962 г. в серии «Литературных памятников»¹². Свое переводческое кредо В. Ф. Шишмарев излагает характеризуя переводы Клемана Маро. Если подобно К. Маро он находит вполне естественным, что образы древности нередко окрашиваются в переводе красками современности, то считает абсолютно недопустимой прямую модернизацию текста перевода, включение в текст чисто французских бытовых подробностей и деталей¹³. Критикуя современные Маро переводы, «амплифицирующие» текст оригинала, В. Ф. Шишмарев высказывается против произвольных добавлений¹⁴, выше всего ставит точность воспроизведения оригинала, которая в его понимании не имеет ничего общего с буквализмом, способным исказить смысл. Перевод требует, по мнению ученого, тщательного соблюдения норм языка, на который переводится памятник¹⁵, понимания эстетической ценности оригинала¹⁶. «Переводчик не должен быть рабом ни слов оригинала, ни фразы и особенностей своего родного языка»¹⁷. Так, оценивая перевод «Декамерона» Боккаччо, сделанный А. И. Веселовским, Шишмарев отмечает, что ему удалось «с поразительным искусством дать в русском переводе иллюзию подлинника одного из крупнейших памятников мировой литературы»¹⁸,

¹¹ Шишмарев В. Ф. К характеристике французской литературы XIV—XV вв. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. М.; Л., 1965, с. 138; Шишмарев В. Ф. О переводах Клемана Маро. — Изв. АН СССР, сер. 6, 1927, № 9—11, с. 913—936; № 15—17, с. 1299—1318.

¹² Саккетти Ф. Новеллы/ Пер. с ит. В. Ф. Шишмарева; Отв. ред. А. А. Смирнов. М.; Л., 1962. См.: Эстулина С. Б. О работе академика В. Ф. Шишмарева над переводом «Книги трехсот новелл» Франко Саккетти (по вариантам рукописи перевода). — В кн.: Исследования по романской филологии. Л., 1978.

¹³ Шишмарев В. Ф. О переводах Клемана Маро, с. 1305—1318.

¹⁴ Там же, с. 917—918.

¹⁵ Там же, вып. 15—17, с. 1310.

¹⁶ Там же, с. 1304.

¹⁷ Там же, с. 1317.

¹⁸ Шишмарев В. Ф. «Декамерон» Боккаччо. — В кн.: Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, с. 215.

подчеркивает огромное поэтическое чутье Веселовского и его способность проникнуть во внутренний мир художника, его умение переводить, мастерски воспроизводя стиль подлинника и столь же мастерски модулируя свой собственный стиль¹⁹.

В целом высказанные В. Ф. Шишмаревым положения важны в плане как общетеоретическом, так и практическом, поскольку они проливают свет на его методику перевода и способствуют решению многих современных проблем лингвистики, в том числе лексикографии.

Мы не можем обойти вниманием вопросы расписывания на карточках переводной художественной литературы, в которой встречаются слова, обозначающие специфические реалии. Не имея эквивалента в другом языке, эти слова зачастую передаются способом транслитерации, что дает возможность сохранить краткое наименование и подчеркнуть его национальное своеобразие. Многие такие слова через посредство русского языка уже прочно вошли в лексический фонд национальных языков народов СССР. Среди них числятся такие как: *аксакал, акын, ашуг, бандура, брынза, дойна, жок, кобза, кумыс* и т. д.

Очень важно также произвести выборку специфических форм и оборотов, вводящих в историческую обстановку подлинника, рождающих иллюзию достоверности и временной дистанции. Созданные переводчиками при помощи эквивалентных молдавских средств, они расширяют возможности иллюстрации пассивного словаря языка.

Сохранение эстетической ценности оригинала, указывал В. Ф. Шишмарев, является обязательным требованием перевода, поскольку язык художественного произведения — это форма искусства. Образность языка художественного произведения берет начало в использовании переносно-фигуральных значений слов, уже бытующих в языке или создаваемых писателями. Риторические фигуры и тропы представляют интерес для выборщиков и могут быть найдены в тексте сравнительно легко. Более сложно выявить характерные лексические единицы особенно в художественных переводах, когда они мотивированы и обусловлены образным содержанием и семантической многоплановостью художественного текста, в основе которого лежит отражение одного из существенных признаков, отличающих художественное слово от обыденного. «...Очевидно, дело не в одних образных выражениях, а в неиз-

¹⁹ Шишмарев В. Ф. А. И. Веселовский и литературоведение. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. 3, вып. 6, с. 265—272.

бежной образности каждого слова... поскольку оно дается, как это принято говорить, в плане общей образности»²⁰. Речь идет о сохранении и передаче на молдавский язык соответствующими средствами индивидуального стиля каждого писателя, проникновение в подтекст образного слова, раскрытие художественных символов и т. д. Выборка этого пласта лексики литераторами, подвергающими тексты литературному анализу, и дальнейшая обработка ее лексикографами позволили бы улучшить качество картотеки, а следовательно, и качество будущих словарей.

Выборка из переводной литературы просто незаменима при составлении переводных словарей. «...Переводные словари создаются как раз из потребности понимания текста на чужом языке, однако с удовлетворением этой потребности часто связывают и процесс становления национального языка путем перевода богатств чужого литературного языка»¹², — пишет Л. В. Щерба.

Учитывая последний факт, считаем целесообразным расширить круг лексических единиц, выписываемых на карточки, за счет неологизмов, заимствованных как из русского (*лавсан, лазер*), так и из других языков посредством русского (*дизайн, кемпинг, стрес, жаз, регби, робот* и др.). Если при выборке наряду с образцовым материалом будут выписаны и неудачные переводы, мы отнесем это к накоплению «отрицательного языкового материала», имеющего важное значение для исследования языковых процессов, влияющих, в конечном счете, на систему языка, поскольку иногда явления, противоречащие норме, в силу своей распространенности становятся нормой.

Разработать теоретические основы текстологии, сделать анализ точным, доказательным, объективным, опирающимся на факты, непосредственно данные в изучаемом контексте, и раскрывающим все то, что содержит текст, — вот неотложная задача, поставленная перед лексикографами самой жизнью.

²⁰ Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистической оценки художественной прозы. — В кн.: *Ars poetica*, вып. 1. М., 1927, с. 63.

²¹ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 33—37, 287—288.

В. Ф. Мельник

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ
ОБРАЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ
В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Академик В. Ф. Шишмарев — исследователь исключительно разносторонний по своим знаниям и научным интересам. Одновременно с романскими литературами он не менее активно изучал романские языки. К его ранним опытам в этой области относятся «Историко-литературные и этимологические заметки» (1906—1907 гг.), в которых этимология слов выводилась на основе глубокого знания культуры и литературы. Вопросами романского языкоznания В. Ф. Шишмарев стал заниматься интенсивнее в советское время, когда заведовал в Ленинградском университете кафедрой романских языков.

Большой вклад внес ученый в изучение итальянских, французских и молдавских говоров на территории СССР, в исследование истории романской колонизации в России. Первостепенное значение при разработке тех или иных лингвистических проблем В. Ф. Шишмарев придавал конкретным языковым фактам. Об этом, в частности, он писал в «Книге для чтения по истории французского языка IX—XV вв.» К этому изданию прилагался словарь, основанный на лексике памятников. Вошедшие в него слова сопровождались этимологическими пояснениями.

«Тем самым, — пишет Т. П. Ильяшенко, — он [акад. Шишмарев] остается для нас образцом подхода к осмыслению и теоретическому аргументированию фактов развития языка»¹.

¹ Ильяшенко Т. П. Значение трудов В. Ф. Шишмарева для теоретического исследования молдавского языка. — В кн.: Наследие В. Ф. Шишмарева и вопросы молдавской филологии. Кишинев, 1979, с. 36.

В статье «Один из южно-итальянских говоров в Крыму» В. Ф. Шишмарев поставил вопрос об условиях иноязычного окружения, а затем и двуязычия и впервые в отечественной лингвистике исследовал проблему «языковых островов» — «своеобразной лингвистической лаборатории», по выражению акад. В. М. Жирмунского. Этой же проблеме уделено много внимания в работе «Очерки по истории языков Испании».

На основе богатого и интересного пиренейского языкового материала В. Ф. Шишмарев останавливается на таком вопросе, как лингвистические отношения на полуострове и объясняет ряд новых терминов, «построенных не на формальных звуковых совпадениях слов, взятых изолированно, а на целой системе фонетических соответствий, извлеченных из сравнительного изучения языков»². Для нас большое теоретическое и практическое значение имеет положение ученого о том, что «язык развивается не только из своих внутренних ресурсов, но и путем заимствований». Из этого и других шишмаревских положений мы будем исходить при анализе некоторых сельскохозяйственных терминов молдавского языка.

В большом и сложном круге проблем, связанных с изучением современной терминологии, в том числе и молдавской, очень важно выявить место терминологической лексики в структуре языка³. На Всесоюзных терминологических совещаниях, проведенных в Ленинграде в 1959 и 1967 гг., было определено рассматривать терминологию как самостоятельный пласт литературного языка, выводить ее из состава лексики литературного языка и оценивать как профессиональные диалекты, жаргоны, а также непринужденную разговорную речь образованных людей в обиходно-бытовой обстановке⁴.

Конечно, какая-то часть специальной лексики будет всегда находиться в речи специалистов. Другая же часть терминов по своей значимости становится частью общенационального языка. Однако терминология в целом, как справедливо отмечает В. П. Даниленко, является частью лексики литературного языка⁵.

Широкое употребление терминов неспециалистами, частое использование их в прессе, радио и телепередачах, в

² Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. Л., 1941, с. VIII.

³ Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.

⁴ См.: Русский язык в современном мире. Л., 1974, с. 108.

⁵ Даниленко В. П. Указ. соч., с. 5.

художественной литературе и т. д. и как результат этого — фиксация терминов в толковых словарях служат достаточным основанием, чтобы считать термин общеупотребительным. Но возникает вопрос, не перестает ли термин быть термином, если становится словом «для всех», или не утрачивает ли он свои особые языковые характеристики, переходя в лексику общелитературного языка?

Лингвисты на этот счет высказывают такие мнения. Е. Н. Таликина утверждает, что «в общем языке нет терминов как языковых знаков, регламентированных режимов иной семиотической системы, а есть слова, которые являются по происхождению терминами»⁶. В. П. Даниленко полагает, что при «включении терминологии в лексику общелитературного языка теряется в значительной мере ее функциональная и собственно языковая специфика»⁷. Академик Н. Г. Корлэтиану пишет: «Если научный термин все же проникает в общую лексику, это означает, что он утрачивает свою терминологическую значимость и в связи с этим может приобрести совершенно неожиданную эмоциональную окраску»⁸. Однако, как нам кажется, изъятие терминологии из лексики общелитературного языка и анализ ее вне определенной языковой системы не совсем оправдан. По-видимому, вопрос о выявлении собственно лингвистических особенностей терминологической лексики может быть решен только при изучении ее в той языковой среде, где она применяется по прямому назначению, в основной номинативно-семасиологической функции (по терминологии А. А. Реформатского), т. е. в функции наименования и выражения специального понятия. И такой естественной средой для терминологии является самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, традиционно именуемая языком науки (и техники). Последний можно поставить в один ряд с разговорным языком и языком художественной литературы.

От этих общих вопросов перейдем к более частным, основываясь на анализе конкретного материала. В нашу задачу входит определить источники и способы образования отдельных сельскохозяйственных терминов, выделить основные группы сельскохозяйственных терминов и обна-

⁶ Таликина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 63.

⁷ Даниленко В. П. Указ. соч., с. 7.

⁸ Корлэтиану Н. Г. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Вол. I. Лексикология. Кишинэу, 1969, п. 192.

ружить тенденции их развития⁹. Уточним, что под **термином** мы понимаем слово или словосочетание специальной сферы употребления.

Молдавская сельскохозяйственная терминология имеет давнюю историю, в которой отражаются особенности молдавского языка различных эпох. В то же время в своем развитии она претерпевает существенные изменения, связанные с происходящими в сельском хозяйстве переменами. Большинство лингвистов считает, что термины создаются обычно в процессе сознательной активной деятельности ученых соответствующей специальности на основе строгой классификации понятийных признаков. Так, Г. О. Винокур утверждал, что «термины не „появляются“, а „придумываются“, „творятся“ по мере осознания их необходимости»¹⁰. Н. Г. Корлэтяну пишет: «Термины не появляются сами по себе, а создаются по мере того, как в них чувствуется необходимость»¹¹.

Так, например, новая сельскохозяйственная культура, полученная методом гибридизации пшеницы (лат. *triticum*) и ржи (лат. *secale*), была названа в 1977 г. *тритикале*. Этот термин-гибрид вошел в сельскохозяйственную терминологическую систему, имея международное обращение. Однако наши словари его еще не регистрируют.

В молдавском языке можно выделить четыре основных способа терминообразования: 1) перенос наименований с одного предмета на другой; 2) лексикализация словосочетаний; 3) аффиксация; 4) словосложение.

Первый способ касается семантического переосмысливания определенного слова или его сочетания с другими лексическими единицами. Речь идет об однословных терминах типа *арнэут* (рус. *арнаутка* — сорт пшеницы) и словосочетаниях, подобных *брыу де клей* (клеевой пояс), *брыу капканэ*. Так появились названия новых сортов персиков *родитор* «урожайный» и *молдовенеск-галбен* «молдавский желтый». Иногда собственные имена переносятся на нарицательные. Например, сорт персиков *лупан* назван именем Героя Социалистического Труда писателя-академика А. П. Лупана, а вино *Романешты* носит наименование села, в котором производится.

⁹ См.: Корлэтяну Н. Г., Мельник В. Ф. К вопросу формирования и развития молдавской сельскохозяйственной терминологии. — ВЯ, 1981, № 4, с. 110—112.

¹⁰ Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. М., 1931, с. 24.

¹¹ Корлэтяну Н. Г. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ, п. 193.

Другой способ терминообразования — это лексикализация словосочетаний. Поскольку молдавский язык является преимущественно аналитическим по своей морфологической структуре, русские синтетические термины передаются, как правило, аналитическими словосочетаниями. Весьма продуктивным в этом отношении является русский префиксoid *высоко*, которому в молдавском языке соответствует *богат*: *высокобелковый* — *богат ын протеин*, *высокомасличный* — *богат ын улей*, *высокозерненный* — *богат ын баабе*. Когда этот префиксoid характеризует интенсивность, то в молдавском языке он передается другими лексикализированными словосочетаниями. Так, *высокомеханизированный* переводится *де ун ыналт нивел де механизаре*, *высокопроизводительный* — *де ыналтэ продуктивитате*, *высококачественный* — *де ыналтэ калитате*, *высококвалифицированный* — *де ыналтэ калификаре* и т. д. Если слово *высоко* употребляется в значении «большой», то молдавские соответствия включают слово *маре*: *высокосахаристый* — *ку концинут маре де захэр*, *высокогорный* — *де маре алтитудине*. Имеются случаи, когда *высоко* передается в молдавском языке интернационализмом *макро*: *высокомолекулярный* — *макромолекулар*, *макрорельеф* и т. д.

Аффиксация является наиболее продуктивным способом образования сельскохозяйственной терминологии. Путем суффиксации появились наименования новой науки о выращивании персиков — *персикология* — и специалиста в этой области — *персиколог*. Последний термин еще не зарегистрирован в словарях, но бытует в соответствующей литературе и на страницах периодической печати¹².

Наблюдается тенденция закрепления за каждым суффиксом одного определенного значения. Так, суффиксы **-оз(-э)**, **-аз(э)** образуют обычно наименования биохимических терминов: *челулоэз*, *челулаэз*, *челубиозэ*, *протеазэ*, *колестеразэ*, *лактозэ*, *лактазэ*, *вариятоз*. Узкая профессия передается суффиксом **-ар**: *тутунар*, *сфеклар*, *фермар* (в русских говорах — *фермачка*¹³) и др.

Префиксация менее продуктивна, чем суффиксация, несмотря на широкую распространенность интернациональных префиксOIDов **ультра-**, **макро-**, **микро-** и др. (**ультрамикроэлемент**, **макросомэ**, **микрофиточенозэ** и т. п.).

В процессе словосложения выявляются и синтаксические способы терминообразования. Речь идет о сочетании

¹² См.: *Бойко П. Б. Персикул.* — Ниистру, 1980, № 4, п. 140.

¹³ *Овчинников Р. С. К вопросу о народной основе сельскохозяйственной терминологии.* — Труды Томского ун-та, 1955, т. 129, с. 28—29.

а) двух существительных, первое из которых стоит в именительном падеже, а второе — в родительном: *папукул-доамней* бот. «башмачок», *гура-леулуй* бот. «львиный зев»; б) двух существительных в именительном падеже: *агроном-легумикултор*, *агроном-витикултор*, *комбайнер-култиватор*. Иногда основную семантическую нагрузку несет прилагательное: *фабрикэ авиколэ «птицефабрика»*, *фабрикэ де захэр «сахарный завод»*, *фабрикэ де продусе лактате «молочная фабрика»* и др.

Анализ фактического материала показывает, что в настоящее время в терминологии имеются две тенденции: систематизации и стандартизации терминов.

В плане систематизации подбираются термины по единому образцу. Они относятся к родственным понятиям. Так, существуют термины для наименования различных специалистов в агрономии: *агроном-виенификатор* «агроном-винодел», *агроном-зоотехнизиан*, *«агроном-зоотехник»*, *агроном-помикултор* «агроном-садовод», *агроном-фитотехнизиан* «агроном-растениевод», *агроном-флорикултор* «агроном-цветовод», *агроном-черчетэтор* «агроном-исследователь» и т. д.

Унификация терминологии осуществляется благодаря принятию стандартов для всех отраслей науки и техники. Стандартизация обеспечивает однозначность, т. е. количественное равновесие между системой понятий и системой знаков, и в то же время содействует упорядочению соответствующей терминологии.

Собранный нами материал позволяет выделить четыре основные группы новых сельскохозяйственных терминов¹⁴. **Первая группа** включает наименования трудовых процессов. В полеводстве появились выражения *технология индустриалэ де култиваре а пэпушоюлуй*, *сфеклей*, *тутунулуй* ш. а. «индустримальная технология возделывания кукурузы, свеклы, табака и т. п.», *семэнат суб планэ протектоаре «подсев»* (*С'а ынчепут семэнатул лучерней суб протекция череалелор де тоамнэ «подсев люцерны в озимые»*). В связи с освоением целинных земель особое распространение в молдавском языке получил термин *дес-целинире* «подъем целины». С внедрением прогрессивных методов дойки коров, стрижки овец и т. д. стали употребляться термины *тунсул електрик* (*механизат*), *мулсул механизат*.

¹⁴ См.: Андреев Н. Д., Замбржицкий В. Л. Новое в современной сельскохозяйственной терминологии. — Вопросы культуры речи, 1959, № 2, с. 49—66.

Вторую группу сельскохозяйственных терминов составляют названия сельскохозяйственных организаций, служб и заведений. Они передаются в молдавском, как правило, лексикализованными словосочетаниями: *асочиацэ штицификэ де продучере, асочиацэ агрондустриалэ, асочиацэ интергосподэряскэ пентру меканизаря ши електрифи-каря продукцией агриколе, коопераре интергосподэряскэ, комплекс зоотехник, комплекс интерколхозник, асочиацэ интерколхозникэ пентру продучеря нутрецурилор, комплекс де крештере а порчилор, бригадэ специализатэ ын добындирия нутрецурилор, фермэ де лапте-марфэ, ынтреприндере интергосподэряскэ де продучеря а кэрний де витэ, совхоз-техникум, совхоз-фабрикэ и др.* Для наименования некоторых объединений в молдавском использованы русские аббревиатуры: *Молдвинпром, Молдэфиромаслопром, Колхозживпром, Молдсельхозтехника, Молдплодовоощ, Главзаготскоткорм, Межколхозоткорм, Спецстрой-механизация, Междорстрой* и др. Они очень удобны тем, что экономят языковые средства. Заимствование русских аббревиаций обусловлено их широкой распространностью в молдавском языке. В области сельскохозяйственной терминологии чаще всего встречаются акронимы¹⁵.

Третья группа терминов охватывает наименования новых сельхозмашин и агрегатов, выраженные в основном лексикализованными словосочетаниями: *комбайн де реколтат пэпушой, комбайн де стрынс сфеклэ, комбайн де реколтат нутрец пентру ынсилозаре, машинэ де плоае артифициалэ, комбайн аутопропулсат де реколтат томате, линие меканизатэ ын флукс де фабрикаре а цэвилор пентру системул хидраулик, машинэ де стрынс фрунзеле де тутун, де рэсэдит тутун, диспозитив ку центратор интерн пентру асамбларя ши консолидаря деталилор, ускэтоаре де тутун, машинэ суспендатэ де сэдит картофъ, машинэ реморкатэ де сэдит картофъ, агрегат де стрынжере а нутрецуулуй, арункэтор де грэунце, аппарат електрик де мулс.*

В четвертую группу вошли новые термины, обозначающие носителей сельскохозяйственных профессий и специальностей, а также исполнителей отдельных работ: *мулгэтор, -оаре «дояр, доярка», вэкар, -ицэ, ынгрижитоаре де вачь, «скотник, скотница, коровница», ынгрижитоаре де вицей «телятница», ынгрижитоаре де пэсэр «птичница», ынгрижитоаре де порчъ, поркар «свинарь», майстру меканизатор, оператор (мештер) ал мулсулууй меканизат «ма-*

¹⁵ См.: Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1976, с. 73.

стер машинного доения», *култиватор де сфеклэ, сфеклар* «свекловод», *култиватор де пэпушой* «кукурузовод», *култиватор де тутун*, *тутунар* «табаковод», *легумиултор*, *грэдинар* «овощевод», *апиултор*, *присэкар*, *албинар* «пчеловод», *крескэтор де вите* (анимале) «животновод», *флориултор*, *-оаре* «цветовод» и т. д. Надо признать, что разговорный молдавский язык часто прибегает к прямому заимствованию русских терминов. В качестве примеров можно привести: *весовщик*, *зоотехник*, *напарник*, *конюх*, *ездовой*, *звеньевой*, *прицепщик*, *учетчик* и т. д.

Следует уточнить, что слова *зоотехник*, *ездовой* в толковом словаре молдавского языка даются без какой-либо пометы, как единицы общенародного языка. Это значит, что они не являются больше специальными терминами. Заметим, что заимствование *ездовой* в молдавском языке несколько изменило свое значение: «колхозник, за которым закреплены рабочие лошади». В толковых словарях русского языка *ездовой* приводится как военный термин и обозначает: «кучер при воинской повозке в артиллерию».

К этой же группе мы относим термин *целинар* и словосочетания с ним — *прим целинар* «первоцелинник», *целинар де баштинэ* «коренной целинник».

Предложенную классификацию сельскохозяйственной терминологии можно назвать лишь предварительной. В дальнейшем ее предстоит углубить и расширить.

Заканчивая статью, мы хотели бы обратить внимание еще на один момент. В наше время при составлении терминологических и иных словарей еще не в полной мере учитывается тенденция литературного языка пополнять свою лексику, в том числе терминологическую, просторечными и диалектальными словами. Поэтому очень емкие и хорошо известные народные термины зачастую остаются за пределами этих словарей. Вот некоторые примеры. В качестве молдавских эквивалентов к русскому термину *кукурузохранилище* в Русско-молдавском сельскохозяйственном словаре (1971) даются *кошар*, *пэтул*, *хамбар* *пентру порумб*, а самый подходящий и распространенный народно-разговорный термин *сысыяк* отсутствует. Для русского *зябь* (3 звука, 1 слово) найдено два соответствия: *огор негру де тоамнэ* (17 звуков, 4 слова) и *арэтурэ де тоамнэ* (16 звуков, 3 слова), а народно-разговорное слово *зэблэ* (5 звуков, 1 слово) забыто, хотя оно зарегистрировано МСЭ, Толковым словарем молдавского языка и Орфографическим словарем молдавского языка. Прежде чем дословно переводить русские термины, лексикографам следовало бы попытаться отыскать их эквиваленты в мол-

давских народных говорах. В этом им бы помог Молдавский лингвистический атлас. Эффект был бы гораздо больше, потому что намного удобнее употреблять *бестаркэ* вместо *кэрүцэ* *ку кошул ыналт*, *шишкарницэ* вместо *токэтоаре де пае*, *косие* вместо *коадэ де коасэ*, *баткэ* вместо *никовалэ* *пе каре се бате коаса*.

Эти примеры подтверждают тезис В. Ф. Шишмарева о важности использования живого диалекта для развития литературного языка¹⁶.

Исходя из вышеприведенного, можно сделать следующие выводы:

1. Сельскохозяйственную терминологию нельзя назвать узкоспециальной; она входит в общее употребление, а потом и в литературный язык.

2. Сельскохозяйственные термины строятся на общенародной основе и имеют тенденцию к специализации. Здесь нужно иметь в виду и влияние народной традиции, о чем говорил акад. В. Ф. Шишмарев в своих трудах.

3. Наряду с односоставными сельскохозяйственными терминами в молдавском языке широко распространены терминологические словосочетания. Обычно первые выражают родовые понятия, а вторые, включающие в качестве ядра то же слово, обозначают видовые понятия по отношению к первым: *комбайн де реколтат пэпушой*, *комбайн де стрынс сфеклэ*, *комбайн де реколтат нутрец пен-тру ынсилозаре*, *комбайн де реколтат томате* и др. Тем самым проявляется тенденция к образованию семантически однородных рядов терминов.

4. Заемствование терминов из русского языка — безусловно, благотворный процесс, содействующий обогащению и развитию терминологии молдавского языка.

Таковы лишь некоторые соображения по изучению сельскохозяйственной терминологии молдавского языка.

¹⁶ Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании.

Л. И. Врабие

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В одной из своих работ академик В. Ф. Шишмарев подчеркивал, что «язык — это зеркало истории народа»¹. Вместе с тем он отмечал, что исторические изменения в языке происходят медленными темпами и довольно сложно отнести те или иные языковые процессы к определенному периоду; скорее всего можно установить их относительную хронологию. В периоды же общественных переворотов многие процессы, в частности лексические, выходят как бы «на поверхность» языка.

В современную эпоху социальных революций язык развивается особенно бурно. С возникновением новых понятий происходят сдвиги в его лексической системе.

В настоящей статье мы попытаемся кратко осветить историю и частично уточнить время появления некоторых социально-политических терминов, опираясь на исторический принцип, применяемый в трудах В. Ф. Шишмарева.

Общественно-политическая терминология получила широкое распространение в русском языке еще в середине XIX в., когда шла острая борьба вокруг определенного круга слов, обозначающих политические понятия. Передовые люди, отстаивая свои убеждения, разоблачая реакционную политику и идеологию самодержавия, употребляли термины и выражения, связанные с понятиями революционного мировоззрения. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда идеи ленинизма стали достоянием многомиллионных масс трудящихся всех стран, с созданием и укреплением во всем

¹ Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. Л., 1941.

мире коммунистических и рабочих партий, марксистско-ленинская политическая терминология начинает широко заимствоваться из русского языка языками народов зарубежных стран. Быстрее других, как правило, заимствуются термины партийного строительства, а наибольшее распространение приобретают самые актуальные, жизненно важные для общества термины, такие как *революция*, *Совет*, *большевик*, *конституция* и др.

Слово *революция* появилось в русском языке в первые десятилетия XVIII в.² Источники его — латинское *revolutio* и французское *revolution* — обозначали движение, обращение, круговорот, поворот небесных тел, а переносно могли указывать на значительные перемены в жизни государств и народов. Оба эти значения — исходное и переносное — сохранились в современных европейских языках. Русский же язык заимствовал слово *революция* только во втором, социальном смысле. Для обозначения кругового возвратного движения небесных светил русский язык пользовался словами *текущее*, *бег*, а с XVIII в. и терминами *обращение*, *движение*.

По данным этимологического словаря О. Блоша и В. Вартбурга³, слово *революция* с исходным значением во французском языке появилось в 1190 г., а переносное значение приобрело в 1680 г. В последнем значении оно стало усиленнее употребляться начиная с XVIII в., а после Великой французской революции 1789 г. распространилось в других языках. Именно теперь слово *революция* получает социальное наполнение. Это уже не изменение в жизни людей вообще, а резкая и коренная ломка существующего строя, свержение монархии, выступление народных масс.

В русский язык оно пришло со значением «внезапная перемена состояния, порядка; насильственный переворот гражданского быта». Слово *революция* как бы впитало в себя чаяния лучших, передовых деятелей России второй половины XVIII в.

Следующий важный этап в его развитии связан с деятельностью декабристов⁴. Это был новый подъем национально-освободительного движения. Для декабристов слово *революция* имело более конкретное содержание — свержение самодержавия. В их представлении русская

² Веселитский В. В. Революция. — Русская речь, 1968, № 3, с. 68—69.

³ Bloch O., Wartbourg V. Dictionnaire étymologique de la langue française. Р., 1968, p. 553.

⁴ Веселитский В. В. Указ. соч., с. 70.

революция означала существенные социальные преобразования, была актом героической борьбы. Отсюда и высокий пафос и гражданственность в употреблении этого слова.

Итак, к середине XIX в., когда складываются нормы русского литературного языка, слово *революция* получает свои основные семантические свойства. В дальнейшем, по-прежнему сохраняя свой острый политический смысл, оно находится в гуще литературно-публицистической полемики.

Новая эпоха в истории слова *революция* начинается в период пролетарского освободительного движения, деятельности В. И. Ленина и созданной им большевистской партии. Понятие получает научное определение в марксистско-ленинской теории и слово становится термином. После Октябрьской революции, в ходе социалистического строительства его семантика уточняется. В семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» оно имеет следующие два значения:

1. Коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насилиственном низвержении отжившего общественного строя и утверждении нового, прогрессивного общественного строя.

2. Переворот в какой-либо области, ведущий к коренному преобразованию, усовершенствованию, обновлению чего-либо⁵.

Данная лексема стала ядром целого ряда словосочетаний: *индустриальная*~, *культурная*~, *демографическая*~, *техническая*~, *технотронная*~ и др. «Русско-молдавский словарь общественно-политических терминов»⁶ зарегистрировал 67 таких словосочетаний. Появились и сложносокращенные наименования типа *ревком*, *реввоенкомат*, *ревтрибунал* и др. Это свидетельствует о том, что слово *революция* стало общеупотребительным.

Академик В. Ф. Шишмарев говорил о возможности установить эволюцию того или иного термина в связи с историческим развитием. Наглядный тому пример — история слова *большевик*. Как известно, в первое время после II съезда РСДРП (1903 г.) в партийных кругах широко употреблялись в особом значении выражения: *большинство* (т. е. сторонники Ленина) и *меньшинство* (т. е. сторонники Мартова). От первого из них были образованы тер-

⁵ Словарь современного русского литературного языка, т. 12, с. 1097.

⁶ Наку М. Ф., Подико М. В. Русско-молдавский словарь общественно-политических терминов. Кишинев, 1981.

мины большевист, большевистский, которые во второй половине 1903 и 1904 г. синонимизировали с лексемами ленинец, ленинский. Тогда же, в 1903—1904 гг., возник лексико-семантический вариант большевик, вытеснивший форму на -ист, и вскоре дал производные большевизм, большевичка, большевизация.

Употреблявшиеся вначале лишь членами РСДРП и близкими к партии передовыми рабочими, крестьянами и интеллигентами, термин большевик и его производные вошли в общенародный язык во время революционных событий 1917 г.

Так, подчеркнув, что слово большевик не выражает «абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного, обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство...», В. И. Ленин отметил огромный рост популярности этого слова именно в 1917 г., «когда июльские и августовские преследования нашей партии... сделали слово „большевик“ таким всенародно-почетным...»⁷.

Термин постепенно расширил свое значение, нередко обозначая марксистов-ленинцев во всем мире. Это привело к появлению абстрактного производного большевизм. Уже в 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК В. И. Ленин доказал, что «большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата»⁸.

В настоящее время термин большевик и его производные используются главным образом применительно к истории КПСС или когда речь идет о боевых традициях Коммунистической партии (например, большевистская за-калка и др.).

Триумфальный путь совершило и слово Совет, а форма его множественного числа — Советы — некоторое время после победы Октября употреблялась для обозначения нашей страны в целом.

В 1920 г. на торжественном заседании Московского Совета В. И. Ленин говорил: «Наше русское слово „Совет“ — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски»⁹.

Социальный смысл слова Совет хорошо раскрыт в академическом «Словаре современного русского литературного языка»: «Обычно мн. С прописной буквы. Орган

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 82.

⁸ Там же, т. 37, с. 114.

⁹ Там же, т. 40, с. 204—205.

государственной власти, осуществляющий диктатуру пролетариата и являющийся формой политической организации социалистического общества. *Верховный Совет СССР*. *Советы* — это учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской демократической республикой...»¹⁰.

О значении этих слов можно судить и по реакции, которую они вызывают в среде буржуазных лингвистов. Так, К. Нюороп в 30-х гг. писал, что «во французском языке появились два русских слова — *bolchevik* и *soviet* — которые вызывают большую тревогу, нежели любые французские слова. Эти слова с быстротой молнии обошли весь мир... Слово *soviet* напоминает о создании совершенно нового государства и знаменует победу четвертого и даже пятого сословия над имущими классами... не менее угрожающий характер присущ и слову *bolchevik*»¹¹.

Как бы в ответ на это, в одной из речей В. И. Ленин сказал: «...как ни клевещут на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово „Совет“ стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся»¹². А на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (1919 г.) В. И. Ленин с гордостью говорил: «Теперь во всех странах слово „большевик“ и слово „Совет“ перестало быть чудаческим выражением... Слово „большевик“ и слово „Совет“ повторяется теперь на всех языках мира»¹³.

В современном русском языке общественно-политическая терминология распространена несравненно шире научной и технической. Это и естественно. Ведь вопросы общественного развития всегда актуальны и стоят в центре внимания. Для языков народов СССР, в том числе для молдавского, русский язык представляет собой богатый источник пополнения их общественно-политической терминологии¹⁴. Постепенно создается единый советский фонд общественно-политической терминологии, который способствует упорядочению и сближению терминологии языков народов нашей страны в столь важной области.

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка, т. 14, с. 75.

¹¹ Nyrop Kr. Linguistique et histoire des moeurs. Р., 1934, p. 245—246.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 238.

¹³ Там же, с. 370.

¹⁴ См.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, с. 105.

Количество интернациональных терминов русского происхождения или образованных в рамках русского языка из интернациональных морфем в годы Советской власти необычайно возросло. В настоящее время существует особый разряд интернациональных слов — «советизмы». К нему относятся: *комиссар, комиссариат, коллективизация, колхоз, тракторист, ударник, товарищ* и др. Советские люди впервые проложили путь в космическое пространство и создали новую терминологию, связанную с освоением космоса. Такие слова, как *спутник, космодром, космонавт, луноход* стали интернациональными.

Исследование общественно-политической терминологии, как никакого другого лексического пласта, предполагает внимательное изучение той исторической обстановки, в условиях которой происходит развитие общественно-политического словаря. Это одна из важных проблем молдавской лексикологии.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ
И НАРЕЧИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
НЕГАТИВНО-АФФИРМАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ

В «Исторической морфологии французского языка» В. Ф. Шишмарев уделяет большое внимание эволюции неопределенных местоимений от латыни к французскому языку, что вполне естественно, если учесть, что переход от мононегативности предложения, свойственной латыни, к полинегативности, характеризующей романские языки, сопряжен со значительными реструктурациями категории неопределенных и отрицательных местоимений, с изменениями их семантико-функционального статуса. А это, в свою очередь, определяется той ролью, которую выполняет в языке отрицание, а следовательно, и средства его выражения.

Относительно *nullus*, например, ученый отмечает: «Имея отрицательное значение (*nullus*=не+*ullus*), *nullus* в латинском языке не требовало после себя отрицания (отрицание давало так наз. *litoles*, т. е. подчеркнуто положительное значение). Однако уже в поздней вульгарной латыни встречаются обороты (подобные русским) с отрицанием: *nulla colomnia* /«неправильное обвинение»/, *habere non debeas* (*Formulae Andecavensas*)»¹. В. Ф. Шишмарев в этой связи приводит слова переводчика трудов Аристотеля — Николь Орэма (XIV в.). Последний, обращаясь к читателю, подчеркивает, что его (читателя) не должно удивлять то, что он (переводчик) употребляет два отрицания вместо одного, так как это специфика французской речи².

¹ Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М.; Л, 1952, с. 77.

² Там же, с. 78.

Автор подвергает анализу также следующие формации: *nec + ipse + unus* > ит., фр., прованс. *nissunu*; *nec ullus* > фр. *nëuls* > *nïlus*; *nec + unus* > *nöns*, *nïuns* > *nöns* > *nuns*; *nec que + unus* > фр. *nesin*, *negin*, исп. *ninguno*³.

Лексико-грамматические средства выражения отрицания, в том числе и отрицательные местоимения, играют весьма существенную роль в конструировании предложения. Негация, по словам Е. Кржижковой, представляет собой очень важный фактор, в различной мере и с различной силой пронизывающий все уровни языковой структуры, в организации которых принимает участие, наряду с выражением, также содержание в широком смысле⁴. Именно этим следует объяснить повышенный интерес к отрицанию сегодня.

Исследования последних лет показали, что отрицание тесно связано с организацией речи как в плане выражения, так и в плане содержания и поэтому предстает, по выражению Е. Кржижковой, явлением далеко не периферийным. Тем самым было преодолено установившееся традицией негласное положение, согласно которому негативное предложение отличается от позитивного лишь наличием маркера отрицательности при глаголе.

Целесообразно изучить отрицание с точки зрения плана выражения, ибо, как справедливо отмечает французский исследователь Андре Жоли, эксплицитно еще не выяснено, что такое отрицание как языковой знак⁵.

Категория отрицания выступает как элемент негативно-аффирмативной оппозиции (негативно-аффирмативного поля), причем оппозиции привативной: здесь всегда отмечен только один из элементов противопоставления — негация. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что в работах, посвященных изучению данной оппозиции, главное внимание уделяется негации. Между тем отрицание нельзя рассматривать вне связи с аффирмативностью, так как только на фоне последней можно выявить его значение. Это положение довольно ясно сформулировал Эмиль Бенвенист. Не соглашаясь с Фрейдом, который «сводит полярность языкового утверждения и отрицания к биopsициальному механизму допущения в себя и отбрасывания

³ См.: Шишмарев В. Ф. Указ. соч., с. 84—85.

⁴ Кржижкова Е. Заметки о месте негации в языковой структуре. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия. М., 1969, с. 205.

⁵ См.: Joly A. Structure psychique et structure sémiologique de la négation nexe dans les langues indoeuropéennes. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1981, т. 76, fasc. 1, p. 99.

из себя, связанному с представлением о хорошем и плохом»⁶. Э. Бенвенист видит «отличительную черту языкового отрицания» в том, что «оно может аннулировать только то, что высказано, что для отрицания чего-либо это что-либо должно быть эксплицитно сформулировано, что суждение о несуществовании необходимо имеет также формальный статус суждения о существовании. Таким образом, отрицание — это сначала допущение»⁷.

Ключ к пониманию сущности аффирмативно-негативной оппозиции в языке дает диалектический закон об единстве противоположностей. Гегель, который, по словам В. И. Ленина, «гениально угадал диалектику вещей (явления, мира, природы) в диалектике понятий...»⁸, говоря о понятиях «положительное» и «отрицательное», составляющих «единство тождества и разности»⁹, считает, что «каждое из них есть оно же само и свое иное, и потому каждое имеет свою определенность не в чем-то ином, а в себе самом. Каждое соотносится с самим собой, лишь соотносясь со своим иным»¹⁰. Из этого положения можно сделать вывод о возможности построения в естественном языке противостоящих друг другу отрицательного и утвердительного высказываний в основном при помощи одних и тех же лексико-грамматических элементов, их отличает чаще всего только индекс отрицания.

Аффирмативно-негативная оппозиция принадлежит к категориям семантико-грамматическим, а это означает, что семантическая сторона является весьма важной для выяснения ее специфики.

Вопрос семантики отрицания занимал всегда большое место в логике. В трактовке смысла отрицательного высказывания в работах логиков наметилось три типа концепций: онтологическая, гносеологическая и психологическая со множеством разновидностей¹¹.

Согласно онтологической концепции (она имеет больше всего разновидностей), смысл отрицательного высказывания состоит в передаче особой отрицательной реальности. Подтверждением этого для иных сторонников данного направления служит существующая в некоторых языках (Австралии, Азии, Океании) категория невидимого

⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика/ Рус. пер. М., 1974, с. 124.

⁷ Там же.

⁸ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. М., 1971, с. 46.

¹⁰ Там же, с. 178.

¹¹ См.: Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973, с. 8.

мира¹², при помощи которой передается мысль, выражаемая в других языках, например, индоевропейских, негативным предложением, словосочетанием, словом. В качестве аргумента, свидетельствующего в пользу данной концепции, приводится также возможность передачи одного и того же факта как негативным, так и аффирмативным предложением (ср. молд. *Ел ну се мишикэ дин лок* — *Ел стэ не лок*).

Онтологическая концепция смысла отрицательного высказывания базируется на категории небытия, объединяющей идею лишенности, отсутствия, реального несуществования. В соответствии с этой концепцией, наряду с существующим в мире имеется также и несуществующее, что и отражено в отрицательном высказывании¹³.

С точки зрения гносеологической концепции, смысл отрицательных высказываний рассматривается не с позиций особенностей отражаемых реальных обстоятельств, а под углом зрения выражаемого в них отношения мыслимого к реальному¹⁴, которое, по существу, сводится к двум тезисам: что мыслится в отрицательном высказывании, реально не существует; роль негативного высказывания состоит в преодолении ложного знания. Отсюда и два направления в рамках гносеологической концепции: а) концепция несуществования того, что мыслится¹⁵ и б) концепция преодоления ложного знания¹⁶.

Для психологических и грамматических концепций смысла отрицательных высказываний «характерно разделение психических актов предикации и суждения: акта мысленного отнесения содержания предиката содержанию субъекта и акта оценки этого отнесения»¹⁷. Согласно данным концепциям, утверждение и отрицание являются выражением психического «акта суждения» по отношению к заключенным в субъекте и предикате представлениям. Это связано с желанием говорящего, с одобрением или неодобрением, признанием или отклонением им мыслимого содержания.

Языковеды, разделяющие лексическую концепцию и использующие соответствующую терминологию, в дефинициях отрицания подчеркивают, что последнее указывает

¹² См.: Рифтин А. П. Категория видимого и невидимого мира в языке. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1946, вып. 10.

¹³ Бродский И. Н. Указ. соч., с. 9.

¹⁴ Там же, с. 21.

¹⁵ Там же, с. 21—30.

¹⁶ Там же, с. 30—34.

¹⁷ Там же, с. 35.

на реальное отсутствие связи между предметом и признаком, выражает с помощью определенных языковых средств негативные связи между понятиями, служит выражением чувства сопротивления и т. д. Некоторые лингвистические дефиниции отрицания в той или иной форме содержат положение: отрицание «копирается на логический вывод». Имеются в виду случаи, когда для определения отрицания прибегают к помощи эквивалента оператора негативности «ложно, что» («неверно, что»), который относится к уже сказанному, допускаемому, предполагаемому. Это согласуется с положением логиков: «объектом отрицания служит всегда выполненное суждение или такое суждение, которое мы пытались выполнить»¹⁸.

Поскольку отрицательное высказывание связано обычно с выражением отсутствия свойства предмета, аннулирования отношений между предметами, явлениями и т. п. и представляет собой определенный вывод, основанный на сравнении, сопоставлении, различии, поскольку выяснению его сути немало будет способствовать неформальное определение, называемое экстенсивным. Для этого с термином предиката сопоставляется объект (или его изображение), который рассматривается как представитель, образец, эталон класса объектов, обозначенного данным термином. Принадлежность других объектов к этому классу детерминируется путем сравнения его с эталоном¹⁹. Несоответствие данному эталону и выражается при помощи отрицания. Дело в том, что свойства, отношения, характеристики и т. д., проявляющиеся согласно диалектическому материализму лишь в процессе материального взаимодействия объектов, могут быть выявлены только в результате абстракции и выражены в языке в виде слова, словосочетания, предложения. Так, когда мы заявляем, например, *пирожок а л е - с проаспете* и *пирожок а л е - н у - с проаспете* («котлеты свежие» — «котлеты не свежие»), то свойства «свежие» и «не свежие», приписываемые котлетам, и в одном и в другом случае не существуют изолированно от последних и лишь в результате их сравнения данные свойства могут быть представлены мысленно в качестве отдельных денотатов, выраженных соответствующими языковыми средствами, и приписаны данным объектам, что находит выражение в приведенных выше предложениях.

Отрицание, как правило, противопоставляется сходству. В этой связи И. Н. Бродский подчеркивает, что «спо-

¹⁸ Зигварт Х. Логика. Т. 1. Спб., 1908, с. 135.

¹⁹ Подробнее см.: Бродский И. Н. Указ. соч., с. 86.

собность установить отношение сходства и одинаковости принадлежит к числу основных, которыми определяется сама возможность пользоваться языком»²⁰. Дело в том, что качество во многом определяется путем сравнения: соотносится данный предмет с наиболее типичным для данного класса объектом, обладающим соответствующим качеством, т. е. с предметом, выступающим в роли образца, эталона класса. Например, когда мы говорим о сладости, мы имеем в виду класс предметов, которым свойственна вкусовая характеристика, в высшей степени присущая сахару — эталонному элементу данного класса. На основе подобных сравнений появляются высказывания типа: *мэрул е дулче* — «яблоко сладкое», *боршул е акру* «борщ кислый», *Василе е дештепт* «Василий умен».

В свою очередь, если предмет обладает определенным качеством или свойством, его можно отнести к тому или иному классу предметов. Вот почему существуют высказывания типа *ачаста е о касэ* «это дом», *ачаста-й обрэзничие* «это безобразие», *челе спусе де д-та сынт о ынви-нуире гравэ* «сказанное вами является тяжелым обвинением» и т. д.

Отсюда легко вывести и значение отрицательного высказывания: оно сводится к установлению свойства данного предмета, исключающего его одинаковость с соответствующим эталоном или эталонностью качества: *мэрул ну е дулче*, *боршул ну е акру*, *ачаста ну е касэ*, *ачаста ну-й обрэзничие* и т. д.

Рассмотренные суждения могут быть представлены в виде формул логики S есть P — S не есть P , которые далеко не исчерпывают всего многообразия случаев негативно-аффирмативной оппозиции, встречаемого в естественном языке. Здесь подчеркивается основное, что характеризует выражение аффирмативно-негативной оппозиции: роль отрицания сводится к аффектации отношений как весьма существенных элементов любого предложения (согласно реляционной грамматики, предложение — это сеть отношений между именными конструктами и глаголом).

«Свойство» и «отношение» всегда будут присутствовать в семантической структуре предикативного знака²¹, при котором, собственно, и употребляется оператор отрицания. Ибо, как отмечает А. А. Уфимцева, «сигнификатом признаковых имен является обобщенное понятие отношения в его более конкретных видах — понятие действия,

²⁰ Бродский И. Н. Указ. соч., с. 86.

²¹ См.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, с. 31.

состояния, процесса»²². Имеется в виду, что в значениях слов и, в первую очередь, в значениях предикативных слов отношение далеко не всегда представлено как самостоятельный объект наименования или как отличительный признак предмета, получающего наименование. Оно может выступить и как сопутствующий признак именуемого объекта. Собственно, функциональные семы отношения, по утверждению Р. М. Гайсиной, «входят в значения всех предикатных слов любого лексико-семантического разряда»²³.

Семы отношения, содержащиеся в предикатных словах, могут быть довольно многочисленными и разнообразными: отношения между предметами и явлениями окружающей действительности — это отношения равенства, подобия, соответствия, классификационные отношения, отношения обусловленности, пространственные, временные, причинно-следственные, целевые, условные, уступительные и другие: отношения человека к различным реалиям, в частности отношения обладания, эмоциональные и рациональные отношения различного рода; отношения между людьми — это отношения родства, общения, дружбы и вражды, духовного контакта, совместности, эмоциональные отношения и т. д.²⁴

Сема отношения в значениях предикатного слова ощущается не всегда одинаково. В частности, в значениях транзитивных глаголов, наряду с действием, совершатым субъектом, предполагается также и объект, который подвергается этому действию. Таким образом, помимо значения действия определенного типа здесь налицоствует также значение отношения между двумя объектами. То же самое следует сказать о случаях, когда предикатное слово сопровождается тем или иным обстоятельством. Так, например, в предложении *Каса стэ лынгэ друм* «Дом стоит возле дороги» сема отношения указывает на пространственную связь между предметами «дом» и «дорога».

Менее ощутима сема отношения в интранзитивных глаголах. Ср.: *Ион лукрязэ* «Ион работает», *Василе дансязэ* «Василе танцует», *Петря кынтэ* «Петря поет». Однако и в подобных глаголах сема отношения налицоствует, так как «в семантической структуре предикатного знака

²² Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первоначальная, нейтральная). — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с. 68.

²³ Гайсина Р. М. Сема «отношение» и способ ее представления на разных уровнях языка. — ФН, 1981, № 5, с. 59.

²⁴ См.: Там же, с. 56—57; Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). Уфа, 1980, с. 4—5.

всегда будут присутствовать в качестве конституирующей семьи „свойство“ и „отношение“²⁵. Поэтому Ш. Балли считает, что глагол со значением «ходить» может быть истолкован как «быть в состоянии ходьбы»; глагол со значением «работать» — как «быть занятым работой»; глагол со значением «страдать» — как «быть страдающим»²⁶.

Аффектация отношений при помощи отрицательной частицы и делает предложение негативным. Как отмечает Г. Вайнрих, любое предложение в каждом языке рассматривается как детерминированное относительно «Да»/«Нет» независимо от того, озвучены эти значения или нет. «Да»/«Нет» — это ассертивные морфемы, которые языки создали, чтобы соотнести новую информацию говорящего с предварительной информацией собеседника²⁷.

Видимо, следует допустить, что «Да»/«Нет» являются не единственными логическими частицами, воздействующими на отношения. Они, надо полагать, выступают составными элементами целой системы логических частиц, таких как: «только», «лишь», «даже», «еще» и др. Последние в большей степени осложняют отношения, чем это делает частица негативности. С помощью подобных частиц подчеркивается, что соответствующее отношение или понятие употреблено не изолированно, а предполагает наличие определенных противоположностей²⁸. Например, высказывание *А венит нумай Василе* «Пришел только Василе» как бы объединяет два высказывания: *А венит Василе* «Пришел Василе» и *Н'ау венит тоць чейлалць, каре требуяу сэ винэ* «Не пришли все остальные, которые должны были прийти». Наряду с Василе предполагаются и противостоящие ему все остальные. Отсюда и два разных предиката: один — утвердительный (*а венит*), другой — отрицательный (*н'ау венит*).

Определяя логические частицы как средство соотношения смежных (сходных) понятий²⁹, некоторые исследователи склонны считать их предикатами с двухместным от-

²⁵ Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения, с. 31.

²⁶ См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 121.

²⁷ См.: Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966, S. 49—55. (Цит. по: Торопова Н. А. К исследованию логических частиц. — ВЯ, 1978, № 5, с. 84).

²⁸ См.: Торопова Н. А. К исследованию логических частиц, с. 86.

²⁹ См.: Торопова Н. А. Роль логических частиц в формировании смысла предложения. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. Калинин, 1980, с. 129.

ношением³⁰. Логические частицы выделяются предикативными функциями, вероятно, потому, что они «функционируют только на уровне предложения»³¹, употребляясь главным образом при предикатных словах и оказывая большое влияние на выражаемые последними отношения.

Такая «привязанность» логических частиц, и в первую очередь частицы отрицания, к предикатному слову, к глаголу вообще объясняется семантико-сintаксической значимостью данной части речи. Дело в том, что глагольные лексемы «выражают своей семантикой понятие „отношение“»³². В отличие, например, от именных, в глагольных лексемах взаимодействие понятийной и предметной отнесенности, по утверждению А. А. Уфимцевой, «как бы выносится за рамки глагольной системы и переносится в область сintаксических отношений действия (сстояния, процесса), выражаемых глаголом, к его объекту или субъекту, или к тому и другому одновременно. Поэтому соотнесенность глагольных лексем с глагольным рядом, подобно самим предметам, раскрывающимся через их свойства и отношения, предполагает наличие смысловых связей глагола с предметными именами и манифестируется в моделях субъектно-объектной локализацией глагольного действия»³³.

Это свойство и позволяет глаголу с отрицательной частицей выражать негативные семантико-сintаксические отношения между агенсом и объектом, между предметом и признаком, между агенсом или предметом и различными обстоятельствами и т. д. Сравнительно большое количество глаголов в языке, каждый из которых совмещает ряд значений, «создает бесконечные возможности выражения глаголами того многообразия отношений, которые существуют в реальном мире»³⁴. И тот факт, что логическая отрицательная частица, употребляясь при глаголе, способна придать ему значение контрадикторности (противительности), позволяет языку не прибегать к другим лексическим единицам для выражения негативно-аффирмативных оппозиций, а использовать те же слова.

Это положение подтверждается данными детской речи: отвергая что-либо, ребенок в раннем возрасте обычно

³⁰ См.: Там же; Horn R. Presuppositional Analysis of *only* and *even*. — In: Papers from the Fifth Regional Meeting. Chicago, 1969, p. 101.

³¹ Торопова Н. А. Роль логических частиц..., с. 129.

³² Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 117.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 142.

называет предмет и сопровождает соответствующее слово отрицательной частицей. Это, так сказать, упрощенное представление одного из элементов негативно-аффирмавивной оппозиции.

Что касается отрицательных местоимений и наречий типа отмеченных В. Ф. Шишмаревым, занимающих важное место среди средств отрицания, они входят в категорию дейксисов отрицания — группы слов, объединенных функциональной общностью и обладающих типологически одинаковой семантической структурой. Это слова, которые, наряду с функцией части предложения, выполняют также роль элемента негативности высказывания. В большинстве своем это — отрицательные наречия и местоимения, объединенные в категорию «носителей отрицания» (Negationsträgers, согласно немецкой лингвистической терминологии). У. Вейнрайх их относит к числу лексических универсалий³⁵. Вот эта группа слов в молдавском языке и их соответствия в других языках:

молд.	лат.	рус.	нем.	англ.	фр.
нимень	nemo	никто	niemand	nobody	personne
нимик	nihil	ничего	nichts	nothing	rien
никэерь	nusquam	нигде	nirgends	nowhere	nulle part
ничодатэ	nupquam	никогда	nie	never	jamais
ничкум	nequamquam	никак	neinswegs	by no means	nullement
нич ун	nullus	никакой	kein	по	aucun

Эти слова составляют, по выражению Л. Теньера, ядро отрицательных предложений, в которых отрицание сосредоточено на одном из членов предложения (подлежащем, дополнении, обстоятельстве), обладающем значением и являющимся семантико-синтаксическим центром всей конструкции. Именно их имел в виду В. Ф. Шишмарев, когда говорил о неопределенных местоимениях. Например: молд. *Нимень н'a спус ачаста*; фр. *Personne n'a dit cela*; рус. *Никто этого не сказал*; ит. *Non ha parlato nessuno di questo*; лат. *Nemo hoc dixit*; нем. *Das hat keiner gesagt*; англ. *Nobody said so* и т. д. В пользу этого факта

³⁵ См.: *Вейнрайх У.* О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 184.

свидетельствует и то, что подобные слова и сами могут служить ответом, т. е. заменять собой целое отрицательное предложение. Например: — *Чине а ынтрат ын класэ?* «Кто вошел в класс?» — *Нимень*. «Никто», т. е. «никто не вошел в класс».

В одном и том же предложении могут быть два и более таких центров. Например, в предложении *Нименьничодатэ никэерь н'a вэзут нимик асемэнэтор* «Никто никогда нигде не видел ничего подобного» их пять. Существует определенная разница в использовании разными языками этих дейксисов отрицания (об этом, в частности, говорит В. Ф. Шишмарев, когда прослеживает эволюцию *nullus* и подобных ему местоимений от латыни к новороманским языкам). В одних языках (в романских и славянских) они выполняют лишь функцию ядра отрицательного предложения (правда, в позитивных предложениях вместо них фигурируют их неопределенные соответствия. Ср.: *нимень* «никто» — *чинева* «кто-то», *никэерь* «нигде» — *ундева* «где-то» и т. д.). В других (в германских, в латинском) — они выступают как ядром отрицательного предложения, так и маркером его негативности (ср.: лат. *ne* *in* *ne* *video* и рус. *никого не вижу*). Что касается предложений, содержащих более одного такого ядра, то в латинском и германских языках только одно такое ядро выражается дейксисом отрицания, остальные же — дейксисом неопределенности. Ср.: *Nemo ipquat dixit* или *Nunquam ullus dixit* «Никто ничего не сказал».

В качестве дейксисов отрицания могут употребляться только такие классы слов, которые обладают способностью представить обобщенно лицо, предмет, различные обстоятельства. Это вполне естественно, если учесть, что ядерные негативные предложения связаны с выражением обобщенного отрицания наличия минимально возможного количества лиц (индивидуов), предметов, минимально возможных пределов пространства, объема, времени, меры и т. д.

С точки зрения специфики средств отрицания среди романских языков французский занимает особое положение потому, что в его простом повествовательном предложении, кроме предваряющей предикат частицы (не) — *discordanciel* (по терминологии Дамурета и Пишона), содержится еще второй элемент отрицания — *forclusif* (*pas*, *point*, *guegge*, *nullement* и т. п.), выражающий отношение исключения, тогда как в других романских и славянских языках второй элемент наличествует только в ядерных предложениях и служит, в отличие от французского, мар-

кером негативности. Такая конструкция в принципе возможна не только для французского. Ср.: фр. *Personne n'a venu* — молд. *Н'а венит мэкар чинева* — рус. *Не пришел хоть кто-нибудь*; фр. *Jean n'aime plus Marie* — рус. *Ваня не любит больше Марусю* — молд. *Ион н'о май юбеште пе Марика*. Считая обязательным для французского языка двойное отрицание (*la double négation*), представляющее собой отношение двойной импликации между элементом *pe* и вторым индексом — форклюзивом, Теодора Кристя подчеркивает, что форклюзив, указывая на несоответствие значению личного глагола, вносит дополнительную информацию относительно размера, пределов, степени, количества³⁶. Во всяком случае эти элементы связаны, так или иначе, с количественной детерминацией соответствующих параметров. Об этом свидетельствует и тот факт, что отдельные элементы, входящие в набор средств отрицания, во многих языках содержат этимологически «один». Ср.: лат. *non* <др. лат. *ne oinom*; нем. *nein nihein*; исп. *ninguno*; порт. *nenhun*; ст. фр. *negun*; пров. *negut*; ит. *niuno*; молд. *нич ун(о)*³⁷.

Жан-Клод Милнер находит весьма привлекательной интерпретацию отрицания (имея в виду предложение с ядерным отрицанием) в терминах квантификации (количественности). Он, в частности, считает, что, по сравнению с употреблением в других языках, отрицание во французском языке имеет особое выражение: в простых повествовательных предложениях отрицание объединяет два элемента (дискордансель и форклюзив), которые как бы делят между собой сферы в рамках данной функции: один из них (*ne*) является квантификатором, другой — переменной величиной. Последний в состоянии проявить себя совместно с отрицательной частицей *ne*³⁸.

Сравнивая с французским немецкий и английский языки, Милнер допускает, что в последних фигурирует квантификатор ориентации нем. *nicht* и англ. *not*, но он здесь не всегда выступает отдельно от элемента величины. Например, в *nobody* или *niemand no-* и *nie-* являются квантификаторами, но морфологически неотделимы от элемен-

³⁶ См.: Cristea T. La structure de la phrase négative en français contemporain. Buc., 1971, p. 69.

³⁷ Примеры из различных индоевропейских языков, подтверждающие это положение, приводит в своей работе Андре Жоли. См.: Joly A. Structure psychique et structure sémiologique de la négation..., p. 140.

³⁸ См.: Milner J.-Cl. Le système de la négation en français et l'opacité du sujet. — In: Langue française. Grammaire de phrase et grammaire de discours, 1979, vol. 44, p. 94—96.

та, выражающего переменную величину — англ. *body* и нем. *mand*. Ученый полагает, что если в общеотрицательных предложениях *nicht* и *not* интерпретировать как квантификаторы, следует подразумевать переменную величину в синтаксической структуре предложения, хотя в последнем и не содержится никакого элемента, который послужил бы для этого основанием³⁹.

При выяснении вопроса о двойном или полинегативном отрицании необходимо учесть следующие два обстоятельства. Во-первых, полинегативность встречается лишь в ядерных отрицательных предложениях. Что касается обычных случаев отрицания, то они одинаковы в языках с поли- и мононегативной структурой предложения (ср.: англ. *Bill don't live Mary* — рус. *Ваня не любит Марусю*). Исключение составляет французский, где двусоставность отрицания сохраняется и в простом предложении. Это, собственно, и заставляет исследователей французского языка искать соответствия в других языках. Во-вторых, в отличие от французского, в других романских и славянских языках второй элемент сложного (двойного) отрицания содержит также частицу негативности (ср.: с одной стороны, фр. *personne, rien, jamais* и, с другой — молд. *нимень, нимик, ничодатэ*, рус. *никто, ничего, никогда*).

Объяснение этому явлению нужно искать в способности языка объединять в одном высказывании два акта отрицания. Так, например, если отправиться от высказывания *Никто не любит Ванюшу*, то с точки зрения глубинной структуры, первый акт отрицания сведется к мысли: «отвергается предположение, что по отношению к Ванюше кто-то проникся чувством любви», и второй акт — «не соответствует действительности, что существует человеческое существо, которые испытывало бы это чувство по отношению к Ванюше» (*никто — не есть кто-либо*).

По мнению польского языковеда Руты Нагуцки, дейксысы негативности (отрицательные местоимения и наречия) — это пустые конфигурации, представляющие собой функциональные эквиваленты аргументов отрицательного предложения. Слова типа *nobody, nothing, no, never* и др., по ее определению, не имеют концептуальной сущности со всеми вытекающими из этого особенностями, а зависят, в своей семантической репрезентации, от аргумента, к которому они относятся, и только благодаря этому аргу-

³⁹ См.: Milner J.-Cl. Le système de la négation..., p. 97.

менту они могут быть вовлечены в акт мышления и в предложение⁴⁰.

Чтобы установить специфику дейксисов отрицания, целесообразно рассматривать их в соотношении со словами, выполняющими ту же синтаксическую функцию в других, неотрицательных высказываниях. Например, в зависимости от цели высказывания, от степени определенности предмета или обстоятельства в одном и том же контексте дейксисам отрицания могут соответствовать разные лексические единицы, хотя и изофункциональные. Ср.:

Чине а венит?

Чинева а венит

Тоць ау венит

Нимень н'а венит

Унде плякэ Василе?

Василе плякэ унdeva

Василе плякэ оръунде

Василе ну плякэ никэерь — *Василе не едет никуда.*

Кто пришел?

Кто-то пришел

Все пришли

Никто не пришел

Куда едет Василе?

Василе куда-то едет

Василе поедет куда угодно

Дейксисы отрицания входят в систему классов именных и обстоятельственных субститутов, выделяемых по ряду параметров.

Интерогативность	Всеобщность	Партитивность	Негативность
<i>чине?</i> («кто?»)	<i>тоць, тоате</i> («все»)	<i>чинева, уний нимень</i> («некоторые», («никто») «кто-н.»)	
<i>че?</i> («что?»)	<i>тот</i> («весь») <i>тоатэ</i> («вся») («все»)	<i>чева</i> («что-н.»)	<i>нимик</i> («ничего»)
<i>каре?</i> («ка- кой?»)	<i>оръкаре</i> («любой») <i>оръче</i>	<i>карева</i> («какой-н.»)	<i>нич ынтр'ун</i> ф.е.1 («никак»)
<i>кум?</i> («как?»)	<i>оръкум</i> («любым способом»)	<i>кумва</i> («как-н.»)	<i>нич кум</i> («никак»)
<i>унде?</i> («где?»)	<i>оръунде</i> <i>песте тот</i> («всюду»)	<i>унdeva</i> («кое-где»)	<i>никэерь</i> («нигде»)
<i>кынд?</i> («ко- гда?»)	<i>оръкынд</i> <i>тотдяуна</i> («всегда»)	<i>кында</i> («когда-н.»)	<i>ничкынд</i> <i>ничодатэ</i> («никогда»)

⁴⁰ См.: Nagucka R. Negatively Phrased Utterances in English. — Zeszyty naukowe Uniwers. Jsgielionkiego, CCCCLXXXIV. Prace jezykoznawcze. Zeszyt 58, str. 58.

Данные классы составляют довольно стройную систему и являются своего рода универсалиями. В процессе эволюции языка отдельные элементы могут «выпасть», но их место обязательно заполняется.

С точки зрения формы, связь между единицами указанных классов дейксисов в одних языках выступает довольно рельефно: строятся они по однотипному образцу, с повторением одного и того же словообразовательного элемента, в других языках эта связь менее ощутима. Примером первого типа может служить русский язык. Ср.:

Интерогативность Всеобщность Паритивность Негативность

кто?	все	кто-нибудь	никто
что?	все	что-нибудь	ничто
какой?	всякий	какой-нибудь	никакой
где?	всюду	где-нибудь	нигде
когда?	всегда	когда-нибудь	никогда
как?	всячески	как-нибудь	никак

Легко заметить, что данные именные и обстоятельственные субституты, указывая, соответственно, на предметы, явления, место, время, способ и т. д., делают это по-разному. В одном случае предметы, явления, обстоятельства представлены в своей тотальной совокупности, во втором — как частично, неопределенно, в третьих — как полностью исключающимися.

Дейксисы негативности, в соответствии с объектами референции, указывают на отсутствие какого бы то ни было лица (*нимень* «никто»), на отсутствие любого предмета или явления (*нимик* «ничего»), на исключение любого, какого бы то ни было предела пространства (*никэерь* «нигде»); на исключение любых возможных временных отрезков (*ничодатэ* «никогда») и т. д.

Дейксисы отрицания противостоят семантически дейксисам всеобщности, образуя с последними антонимические пары. Ср.: *тоць* — *нимень*, *тот* — *нимик*, *песте тот* — *никэерь*, *тотдяуна* — *ничодатэ* и т. д.

В основе дейксисов негативности, как правило, лежат именные или обстоятельственные субституты, восходящие чаще всего к местоимению или наречию, к которому присоединяется маркер отрицания. Ср.: лат. *illus*—*nullus*, *usquam*—*pusquam*, *utquam*—*nipquam*; рус. *кто-нибудь* — никто, *что-нибудь* — ничто, *какой-нибудь* — никакой, *когда-нибудь* — никогда, *как-нибудь* — никак; нем. *jetand*—*niemand*, *irgend* — *wo*, *niergend*, *je*—*nie*; англ. *anybody* — *nobody*, *anything* — *nothing*, *ever* — *never* и др. Исключение составляет французский. По существу можно считать,

что дейксис негативности — это дейксис неопределенности в соединении с маркером отрицания, хотя прямая формальная связь между этими двумя видами дейксисов наблюдается не во всех языках.

Дейксисы отрицания, таким образом, составляют стройную систему языковых средств и с их помощью обобщенно выражается отсутствие всякого лица, всякого предмета, различного рода обстоятельств, смысловая презентация которых обусловлена соответствующим контекстом. Они входят в систему классов именных и обстоятельственных субститутов, выделяемых по таким параметрам, как всеобщность (утвердительная), партитивность, всеобщность (негативная). Дейксисы негативности находятся в антонимической оппозиции по отношению к дейксисам всеобщности (позитивной).

И. М. Думбрэвяну

ТЕНДЕНЦИИ АНАЛИТИЗМА И СИНТЕТИЗМА В РОМАНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Академик В. Ф. Шишмарев придавал исключительное значение сравнительному изучению романских языков, поэтому по праву считается основателем отечественной романистики. Выявляя некоторые тенденции в романском словообразовании, мы будем исходить из его общетеоретических положений.

Под синтезом в языкоznании обычно понимают объединение отдельных элементов в более крупные, глобальные единицы. Применительно к конкретным языкам (к их строю) синтетизм — это формальное и вещественное слияние компонентов и их неразрывное взаимодействие и взаимосвязь. Понятие синтетизма в языке непосредственно ассоциируется с такими понятиями, как цельнооформленность, синтетические падежи, фузия аффиксальных формантов в цельнооформленные единства и пр.¹

Если понятие синтетизма (в языке) не вызывает особых споров и возражений, понятие аналитизма, напротив, далеко не всегда одинаково понимается языковедами. В лингвистике наблюдается однобокое толкование последнего, традиционно утверждавшегося за раздельнооформленными грамматическими образованиями.

Согласно укоренившейся традиции, аналитизм в языке проявляется преимущественно в области способов выражения падежных отношений или образования парофразических форм. При этом во внимание не принимается наличие аналитизма в способах выражения и оформления

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 411.

других грамматических форм, в частности, глагольных аналитических форм, которые характерны и для языков синтетического строя. Иначе говоря, аналитические образования имеются в языках и синтетических, и аналитических (в традиционном понимании данных явлений). Не безынтересно заметить, что тенденция рассматривать аналитизм исключительно в пределах формообразования нашла наиболее яркое выражение у авторов, которые строили свои теории в основном на материале синтетических языков, т. е. языков, в которых слова, как правило, цельнооформлены. Так, А. И. Смирницкий² и А. В. Кунин³ категорически возражали против аналитизма в лексике (в слове), допуская такое явление лишь по отношению к формам слова.

Думается, что явление аналитизма присуще как грамматическим, так и лексическим единицам, т. е. оно изоморфно в пределах данных уровней. Другими словами, аналитизм характерен не только для формообразования, но и для словообразования. Многочисленные явления синхронного и диахронного порядка свидетельствуют о всеобщем, универсальном движении языковых единиц от аналитизма к синтезу и обратно, т. е. от синтеза к аналитизму, что в целом соответствует общим законам познания и мышления.

Аналитизм в лексике непосредственно связан со способами образования сложных единиц языковой номинации, т. с. лексической номинации через лексикализованные словосочетания.

Различные определения аналитизма в лексике под тем или иным термином встречаются в последнее время в работах отечественных и зарубежных исследователей, посвященных романской ономасиологии. Аналитизм романских лексем-композитов предопределил в известной степени сам подход к изучению сложных лексических единиц языковой номинации в данных языках и привел к появлению новых терминов для обозначения соответствующих явлений и понятий.

Для обозначения раздельнооформленных аналитизмов в советском языкоznании употребляются термины «аналитическое слово»⁴, «преморфологическое слово»⁵, «синтакси-

² Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959, с. 83.

³ Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 232.

⁴ Левит З. Н. К проблеме аналитического слова во французском языке. Минск, 1968.

⁵ Степанова А. Н. Преморфологические единицы французского языка. Минск, 1975.

ческие композиты»⁶. Для обозначения лексических аналитизмов типа фр. *romme de terre* А. Греймас⁷ применяет термин «паралексема». По мнению данного ученого, паралексема занимает промежуточное положение между лексемой (простым неосложненным словом) и синтагмой. Например, *abricot* — лексема, *romme de terre* — паралексема, а *pain de seigle* — синтагма. Нетрудно догадаться, что разделение и размежевание данных структур основывается на степени лексикализованности последних. Паралексема, в отличие от синтагмы, это лексикализованная единица языка, имеющая, кроме того, и частеречный статус. Поскольку паралексема соотносится с определенной частью речи, поскольку она может выполнять функцию члена предложения. И. Б. Фитиалова замечает, что «необходимость разработки вопроса об аналитических формах в лексике диктуется не только потребностью синтаксического анализа предложения, если в качестве минимальной единицы этого анализа выступает член предложения. В таком случае вопрос о способах репрезентации членов предложения не может быть решен без рассмотрения вопроса об аналитическом лексическом слове»⁸.

Аналитизмы объединяются по семантико-функциональному признаку в сложные, неразложимые в структурном плане единства. Все виртуальные синтагмы типа фр. *rot au feu* Ш. Балли обозначил одним термином — *composé*⁹. Аналогичные образования, построенные по модели *имя существительное + предлог + имя существительное*, Э. Бенвенист¹⁰ объединял под термином «синапсия» или «синаптические образования». Аналитическая синапсия конкурирует, по мнению того же автора, с морфологическими (синтетическими) композитами. Данная тенденция и характеризует романское словосложение, в котором лексемное сложение превалирует над тематическим. В этой связи уместно констатировать необязательность цельнооформленности синаптических аналитизмов и традиционную цельнооформленность тематических сложных слов. Известно, что в языках с развитой системой осново- и слово-

⁶ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 251—253.

⁷ Greimas A. *Sémantique structurale*. Р., 1966, р. 38.

⁸ Фитиалова И. Б. Некоторые проблемы аналитизма. Аналитическая грамматическая конструкция и аналитическое слово. — В кн.: Проблемы аналитизма в лексике, вып. 1. Минск, 1967, с. 101.

⁹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 106.

¹⁰ Benveniste E. Formes nouvelles de la composition nominale. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1966, t. 61, N 1, p. 91.

сложения эти явления носят более или менее «стандартный» характер. Напротив, при исследовании сложения лексем, характерного для языков аналитического строя (типа романских), в которых данное явление не манифестируется в «чистом виде», лингвист сталкивается со многими промежуточными, переходными случаями.

Признак цельнооформленности и структурной непроницаемости сложных слов релевантен и обязателен для тематических композитов, т. е. для слов, сложенных из основ (ср.: рус. *знаменосец*, *письмоносец*, исп. *gasoducto*, *cosmorama*). По сути дела в подобных случаях логичнее было бы говорить об аффиксоидизации, нежели о словосложении в строгом понимании данного термина.

Графическое оформление лексемных композитов отличается от написания тематических (основных) сложных слов и зависит от целого ряда языковых и социальных факторов, таких как влияние традиции (консервативный фактор), престиж узуса и др. Ярким тому примером служит графическое оформление синаптических образований, структурируемых по модели *имя существительное+предлог+имя существительное*. Через дефисное написание синаптических образований зачастую варьируется в пределах одного и того же языка. Во французском, португальском и молдавском языках через дефис пишутся, как правило, сложные флоринимы, зоонимы, топонимы и некоторые аналитизмы метафорического характера, а синаптические образования, относящиеся к сфере научно-технической терминологии, оформляются, так же как в испанском и итальянском языках, раздельно.

К аналитизму или синтаксическому словосложению относятся и образования, которые не отличаются в формальном отношении от свободных сочетаний (фр. *beau-frère*, *bonhomme*, *pouveau-né*)¹¹. Синаптические образования — это наиболее яркое проявление аналитизма в романской номинации вообще и словосложении в особенностях. Наиболее продуктивной и распространенной моделью синаптических аналитизмов в романских языках является модель *имя существительное+предлог+имя существительное*. Она представлена большим количеством стандартных образований типа порт. *flor-de-lis*, ит. *occhio di gatto*, фр. *tête-de-loup*, молд. *вицэ-де-вие*. В восточнороманских языках с данной моделью сосуществует и модель *имя существительное в номинативе+имя существительное* в генитиве, по которой строятся аналитические компо-

¹¹ Гак В. Г. Указ. соч., с. 251.

зиты, обозначающие в основном флоринимы типа молд. *гура-леулуй*, *рокица-рындунелей*, *чубоцика-кукулуй* и др. Это метафорический способ языковой номинации.

Синаптические образования, тяготеющие к сложным словам типа исп. *pulmón de acero*, можно условно назвать термином **композитоиды**. Композитоиды служат для первичной номинации реалий, относящихся главным образом к технической сфере. Другими словами, синапсии-композитоиды интегрируют значительную часть технического лексикона романских языков. В структурном отношении они отличаются от собственно сложных слов меньшей степенью спаянности составляющих и сравнительно большей их мобильностью. Кроме того, большая сочетаемость последних делает синапсии практически открытым классом.

Аналитизм романской языковой номинации проявляется также в тенденции к возрастанию удельного веса аппозитивного словосложения типа исп. *bique—escuela*, фр. *wagon-poste*, ит. *capo-stazione*, молд. *кыне-луп*, *инжинер-шеф*. Следует дифференцировать собственно аппозитивные композиты типа исп. *café-bar*, фр. *café-hôtel*, молд. *контабил-шеф*, с одной стороны, и образования, в которых второй элемент характеризуется адъективным признаком, типа исп. *mitin—relámpago*, фр. *affiches-souries*, молд. *инсектэ-символ*, с другой. Последние занимают как бы маргинальное положение по отношению к собственно аппозитивным композитам. На периферии располагаются также многочисленные окказиональные аппозитивные композиты, остающиеся вне языковой нормы. Тем не менее они заслуживают особого внимания, так как говорят о тенденциях и словообразовательной потенции языка.

Тенденция аналитизма в романском словообразовании проявляется и в пределах других частей речи, в частности, глагола. Современные романские языки располагают множеством глагольных аналитизмов, коммутирующих с соответствующими коррелятами в виде простых глаголов. Речь идет об аналитических или преморфологических глагольных образованиях, которые строятся по модели инфинитив + имя существительное или инфинитив + предлог + инфинитив. По имеющимся подсчетам в одном только французском языке насчитывается более 6000 подобных образований. В особую категорию глагольных аналитизмов следует выделить местоименные глаголы типа фр. *se douter* или молд. (а) *се уйта*. Им присущи, по

мнению Г. С. Чинчлея¹², все признаки словесного знака, установленные А. А. Уфимцевой.

По сравнению со сложением лексем основосложение на базе исконных корней менее типично для романских языков. И все же помимо сохранившихся отдельных моделей адъективных композитов типа исп. *barbitoreno*, *ojinegro*, порт. *olhinegro*, ит. *occhiazzurro*, которые малопродуктивны и не характерны для всей Романии, в романских языках получают все большее распространение глагольные тематические композиты типа фр. *porte-avions* или исп. *guardapesca*. Модель глагольная основа + имя существительное более продуктивна в западнороманских языках, в которых наблюдается непрерывный рост глагольных основ — первоэлементов, сочетающихся с именами существительными. Восточнороманские композиты типа молд. *портдрапел*, *порткуцит*, *порткей* являются кальками по французской модели и ограничиваются минимальным числом глагольных основ-первоэлементов.

Рассмотренные тематические композиты характеризуются основными признаками синтетических (морфологических) сложных слов и восходят к унаследованным от латыни моделям. К ним следует отнести и постадвербальные композиты типа исп. *bienvenido* или порт. *mal-educado*, в которых основы *bien*-, *mal*- имеют префиксOIDНЫЙ статус и фигурируют в инвентаре префиксальных формантов романских языков. Мы полагаем, что тематические (вернее, полутематические) композиты современных романских языков являются своеобразными реминисценциями латинского основосложения, не характерного для всей Романии.

Синтетизм романского словосложения обнаруживается прежде всего в образовании новых слов от тематических и аналитических (синаптических) композитов.

Вопреки традиционным взглядам относительно мало-продуктивности суффиксальных производных от сложных слов и словосочетаний, романские языки все чаще прибегают к образованию сложнопроизводных дериватов, таких как исп. *guardarropia* <*guardarropa*, фр. *court-circuittage* <*court-circuit*, ит. *guardarobiere* <*guardaroba*. Нередко встречаются суффиксальные производные от сложных топонимов: *sanjuanense*, *sanjuaniego*, *sanjuanés* <*San Juan*¹³. В качестве производящей основы иногда может

¹² Чинчлей Г. С. Вопросы тождества морфемы и супплетивизм. Кишинев, 1980, с. 31.

¹³ Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979, с. 255—256.

служить целое предложение: *je-m'en-fichisme* <*je m'en fiché*. Именные сложнопроизводные часто образуются от стабильных синапсий, например, фр. *fildefériste* <*fil de fer*.

Данная тенденция распространяется не только на именные сложносуффиксальные образования, но и на глагольные, структурированные по модели глагольная основа + именная основа + глагольный суффикс, например, *passe+fil+er* > *passer*, *tire+bouchon+er* > *tirebouchon*.

Следует подчеркнуть, что наиболее продуктивными сложносуффиксальными образованиями являются те, которые возникают на базе синаптических аналитизмов. Так, из более 500 сложнопроизводных образований во французском языке (по подсчетам Г. М. Яковенко¹⁴) около половины образованы от синаптических аналитизмов, что подтверждает тезис об общей тенденции превращения аналитических образований в синтетические.

---

¹⁴ Яковенко Г. М. Образование суффиксальных производных на основе сложных слов и словосочетаний в современном французском языке. — В кн.: Вопросы филологии, 1976, вып. 5, с. 117.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Г. Пынзару</i>	
ФРАНЦУЗСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ТРУДАХ В. Ф. ШИШМАРЕВА	5
<i>А. А. Матковски</i>	
МУЗИКА ЫН АКТИВИТАТЯ КРЕАТОАРЕ А ЛУЙ В. Ф. ШИШМАРЬОВ	13
<i>Л. И. Куруч</i>	
МОЛДАВСКАЯ ВЕРСИФИКАЦИЯ НА РАННИХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ	22
<i>Е. А. Толоченко</i>	
ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕКСТОВ — ОСНОВА ЛЕКСИКОГРАФИИ	36
<i>В. Ф. Мельник</i>	
О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ	42
<i>Л. И. Врабие</i>	
ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	51
<i>А. М. Дырул</i>	
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И НАРЕЧИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ НЕГАТИВНО-АФФИРМАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ.	57
<i>И. М. Думбрэвяну</i>	
ТЕНДЕНЦИИ АНАЛИТИЗМА И СИНТЕТИЗМА В РОМАНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ	73

СТРАНИЦЫ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ШИШМАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(На русском и молдавском языках)

Утверждено к изданию РИСО АН МССР

Редактор К. И. Щербакова

Художественный редактор и художник-оформитель В. М. Шишико

Технический редактор Н. М. Дудучук

Корректоры С. Б. Голбан, Л. И. Никифорова

ИБ № 2497

Сдано в набор 23.01.84. Подписано к печати 07.03.84. АБ06111. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2.
Усл. кр.-отт. 4,3. Уч.-изд. л. 4,46. Тираж 996. Заказ 59. Цена 65 коп.
Издательство «Штиинца». 277028. Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросулэ, 3.

Типография издательства «Штиинца». 277004. Кишинев, ул. Берзарина, 8.

65 коп.

кишинев „штиинца“ 1984